

0-72



В. Осеева
Простое дело

Детиз ~ 1960

~~48057~~

~~4227~~

0-72

Дг

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА
ДЛЯ НЕРУССКИХ ШКОЛ

В. Осеева

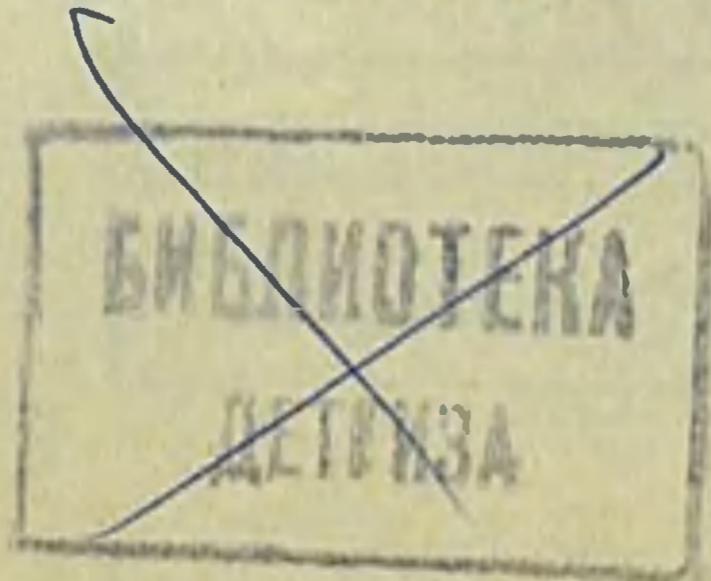


Простое
дело

Рисунки М. Горшмана

48064

Государственное Издательство Детской Литературы
Министерства Просвещения РСФСР
Москва 1960



ЧМ
77

~~Библиотека~~
~~Москвы~~

694488 КХ РЕР

Российская государственная
детская библиотека

«Трудно растёт человéк», — говорит учитель Серге́й Николаевич в повести «Васёк Трубачёв и его товáрищи», которую написала Валентíна Алексáндровна Осéева.

Действительно, на долю герóев этой кни́ги выпало много тревóг и забóт. Не всегда гладко течёт дeтство.

Нелёгким оно было и у писательницы В. А. Осéевой.

Она родилась и росла в революционной семье. Отéц еë, Алексáндр Дмитриевич Осéев, — видный революционер, активный участник событий 1905 года, вынужден был скрываться от цárской полиции, жить и работать под чужой фамилией. Он был арестован, прошёл по этапу тридцать пересыльных тюрем и несколько лет сидéл в Самárской крепости.

Мать и тётка Осéевой были связаны по революционной работе с Анной Ильинишной Ульяновой-Елизáровой — сестрой Владíмира Ильича Лéнина — и получали от неё задания.

Пéрвые впечатления дeтства — разлука с отцом, тайные короткие встречи с ним в других городах, куда приходилось для этого выезжать,очные обыски.

Семья вынуждена была часто менять место жительства.

Навсегда осталась в памяти могучая река Волга с её плесами и овражистыми берегами. Барбашина поляна под Самарой. Лето.

Взрослые были заняты своими тайнственными делами. Девочка на весь день убегала к реке. Её манили гудки пароходов, баржи, суета пристани, Жигулёвские горы, овеянные легендами. Она близко видела жизнь грузчиков, бурлаков, портовых рабочих.

Много бездомных детей слонялось тогда по берегам Волги, за гроши они помогали разгружать баржи, выполняли непосильные работы на пароходах. Девочка жила одной жизнью со своими босоногими друзьями. Она любила петь с ними разудальные песни или разыгрывать сценки, изображая рыбаков и мастеровых, пароходную публику, шарманщиков и лодочников.

В холодные дождливые вечера, засыпая в своей тёплой постели, она мечтала построить большой светлый дом, дворец, для всех мальчишек и девчонок, которые бродили по пристани, голодные и разутые, которые работали на хозяев с утра до ночи...

Идут годы, сменяются города.

И вот наступило время — свершилась Великая Октябрьская революция.

Раздетых, изголодавшихся беспризорных ребят советская власть поселила в просторных чистых домах. Их стали кормить, одевать, учить. Многие люди отдавали этим детям все свои силы и знания.

Семнадцать лет проработала в детских домах и колониях Валентина Александровна Осеева как воспитательница и педагог.

На досуге она сочиняла сказки для ребят, из вечера в вечер придумывала и рассказывала длинные повести с продолжением о гражданской войне, о геройических красных командаирах, которые побеждали белогвардейцев. Повести так назывались: «Красный командир», «Белая змея» и т. д. Осеева писала пьесы, ставила и разыгрывала их вместе с ребятами.

Она́ люби́ла сама́ придумы́вать йгры и увлека́лась ёми не мénьше, чём её воспитанники.

Через мно́гие гóды прошлá забáвная игрá в Рóбин Гúда — весёлого и чéстного разбóйника. Неизвéстно, почемú пришёл на память э́тот легендáрный атамáн лесно́й вольни́цы из стáрой Англии. Мóжет быть, потому, что Рóбин Гуд хráбо́ро борóлся прóтив богачéй, чинíл суд и распра́ву над жáдными и коры́стными владéльцами помéстий и защища́л бедня́ко́в.

Игрá в Рóбин Гúда пришлáсь по сéрцу тем тру́дным ребя́там, которых ужé калéчила и урóдовала разорённая войною жизнь, которые зна́ли, что тако́е гóлод и ночь в асфáльтовом котlé.

Эти дéти вýдели слýшком мно́го гóря, чтобы быть спо́кóйными и послúшными. Онý люби́ли сильные приключéния и страшные кля́твы, отвáгу и нерушíмое слóво, лóвкость и беспощáдную месть. Поэ́тому так охóтно отклика́лись онý на услóвный клич Рóбин Гúда, мýгом стрóились, подхва́тывали его́ призы́вную пéсню и с нéю уходíли бродítъ по лéсу юли спуска́ли плот по рекé.

Рóбин Гúдом была́ Валентíна Осéева.

Она́ шла впередí стрóя в придуманном наря́де Рóбин Гúда — бáрхатных штанáх с позумéнтами и тюбетéйке с перóм...

По трéбованию ребя́т В. А. Осéева отнесла́ в редáкцию один из своих пéрвых рассkáзов «Гри́шка». Он был напечáтан в 1937 году в газéте «За коммунистíческое просвещéние».

Таким ó образом, ребята как бы определи́ли дальнéйшую судьбу́ В. А. Осéевой.

Большúю роль в её писáтельской биогráфии сыгрáл ду́шевный и глубóкий рассkáз «Бáбка», напечáтанный в 1940 году. Потóм был напýсан весёлый и оче́нь грúстный рассkáз. «Рýжий кот» и мно́го другíх.

«Волшéбное слóво» — одна́ из пéрвых кни́жек, которую чи́тают дéти, едва́ научíвшись грамоте.

Пóвесь «Васёк Трубачёв и его́ това́рищи» зна́ют все дéти. Нáвérное, нет шко́льника, который не пережíл бы вмéсте с

Васьком Трубачёвым и его товарищами многих тяжёлых приключений, не бродил бы мысленно вместе с ними по трудным дорожкам войны.

Новая большая книга «Динка», вышедшая в 1959 году, рассказывает о впечатлениях детства самой писательницы.

Она хорошо понимает душевный мир ребят. И дети, вырастая, сохраняют в своей памяти живые образы любимых детских книг, созданные Валентиной Александровной Осевой.

E. Суворина



У КОСТРА

Одн раз в похóде ребята отошли далекó от лáгеря и решили ночевáть в лесу. Вéчером развели костёр. Варíли картóшку. Плáмья костра бросáло тайнственный óтблеск на кусты и дерéвья; гла-зám, привыкшим к свéту, всё вокруг костра казáлось черным-чёрно: и лес, и сбегающие по косогору кусты, и срубленные пни, зарóсшие пáпоротником, и только маленький золотой круг, в котором грéлись у огня пионéры, казался обжитым и уóтным.

Теплó и вкúсная горячая картóшка разморíли ребят. Кáждому вспомнилось что-то своё, домáшнее, захотéлось рассказать об этом товáрищам, поделиться.

— Я маленьkim, эх, и озорным был! — усмехнулся Вадим. — Бывáло, почíстит бáбка картóшку, а я — раз-раз! — нóжичком вырежу из её картóшек человéчков, руки, ноги им из спýчек сдею. А онá придет: ах, ах!.. — Он звúчно рассмеялся, потом сразу остановился и грустно сказал: — Обижáю я свою бáбку...

Ребята удивились.

— Вот тебе раз! — хмыкнул Костя. — То про своё озорство рассказывал, то обиды какие-то вспомнил... С чего это ты?

Вадим помешал угли и, подняв голову, обвел всех затуманенным взглядом:

— А так просто, ни с чего. Есть у меня такая привычка — на бабку огрызаться. Больше всех её люблю, и ей же первой от меня грусть слышать приходится. А почему это так — не знаю...

— Нет, знаешь! — вдруг откликнулся из темноты голос вожатого Гриши. Он сидел поодаль от огня, прислонившись спиной к дереву. — Знаешь, Вадим, да сознаться себе не хочешь, — повторил Гриша.

Вадим блеснул чёрными глазами и повернулся к Грише:

— Ты думаешь, силы воли не хватает? Сдержать себя не могу? Гриша пожал плечами:

— Нет, почему силы воли не хватает? Я этого не думаю. Ты парень крепкий, сила воли у тебя есть. И сдержать себя ты можешь. Не так уж твой старая бабка к тебе пристаёт, чтоб и сдержаться было нельзя. Нет, не в том дело...

— А в чём? — негромко спросили сразу несколько голосов.

— А в том, что Вадим не хочет сдержаться, распускается, пользуется тем, что бабка его любит. А любит — значит, простит и жаловаться тоже не пойдёт, — медленно сказал Гриша.

Ребята посмотрели на Вадима. Он молчал и, обхватив руками коленки, смотрел на огонь.

— А мы, Гриша, наверное, все такие. А не такие, так ещё хуже... У каждого, если так откровенно рассказать, что-нибудь найдётся плохое, — живо сказал Костя. — Вот я, например, о себе скажу... Я в школе с товарищами один, а дома другой. В школе я и весёлый, и всё мне хорошо. А дома, как приду, так сейчас надуюсь чего-то, ну, вообще... к сестренке начну притираться — одним словом, тоже распускаю себя... — Костя виновато улыбнулся. — Честное слово...

— Не та дисциплина, — заметил кто-то из ребят.

— Перед товарищами не больно-то свой характер покажешь — у нас живо на чистую воду выведут, будь спокоен! — тряхнул головой паренёк в клетчатой рубашке, со значком на груди.

— А я вот что знаю... — придвигаясь к огню, заговорил Сá-

ша. — Надо самому себя время от времени проверять: кто я есть, какой человёк из меня получается. А то один раз я так себя запустил, что сам себе опротивел... — Он выплюнул изо рта травинку и поглядел на внимательные лица ребят. — Кто смеётся — не смейся. Это с каждым может быть...

Ребята поглядели друг на друга:

— Никто не смеётся. Что ты!

— Говори...

— Говори, Саша, — послышались тихие голоса.

— А что говорить? Это дело с двойки началось, — хмуриясь, сказал Саша. — Получил я как-то двойку по арифметике. Ну, неприятно мне, конечно, и неловко; иду домой и думаю: «Сегодня не скажу — и так у меня сегодня плохой день; завтра скажу». А завтра я пятёрку получил по русскому и опять думаю: «Что я буду хорошее с плохим мешать! Скажу послезавтра». Ну, так день за днём. Хорошее говорю, а о плохом молчу. И всё так стал скрывать, а потом уж и врать пришлось, выкручиваться, да уж не только дома перед родителями, а и в классе перед товарищами. Ну, один раз лёг спать и думаю: «Что это я перед всеми извиваюсь как-то, всё мне на свете опротивело и самому на себя противно глядеть?» — Саша поднял голову и посмотрел на ребят.

— Ну и что? — нетерпеливо спросил Костя.

— Всё! — решительно отрезал Саша. — С той поры всё! На одной правде живу. Вот как есть, так и есть! Ничего не скрываю и нигде не выкручиваюсь, чистый стал, как после бани вышел!

Наступила тишина. Ребята задумались. Кто-то подкинул в костёр сухую ветку. Огонь вспыхнул и осветил лица.

— А у меня вот, ребята... — послышался взволнованный голос Димы, — у меня свой недостаток...

Ребята раздвинулись. Дима боком просунулся между ними и, вспыхивая горячим румянцем, долго не мог найти нужные слова. Наконец он грустно улыбнулся и сказал:

— Я, наверное, какой-то трус, ребята... хоть мне об этом и говорить трудно... Но раз все о себе правду говорят, то и я хочу сказать...

— Ясно, говори!

— Как скажешь, так сразу и на душё станет легче! — сочувственно зашумели ребята.

— Говори. Тут чужих нет... Может, разберёмся вместе, — сказал Гриша, присаживаясь ближе к костру.

— Я леса боюсь, — сказал Дима. — Боюсь, и всё. И никак себя побороть не могу. Ни за что бы один в лес не пошёл! Я уж себя проверял — выйду ночью из палатки и смотрю: лес, лес... деревья чёрные, кусты чёрные, а за кустами будто зверь какой валежником шуршит. Стою и думаю: «Пошёл бы я сейчас один туда? Нет, ни за что на свете! Боюсь!..»

— А чего бойишься? Людей или зверей?

Дима пожал плечами:

— Нет, почему людям? Зверей, конечно, гадюк боюсь, а ещё заблудиться мне страшно...

— Да-да-а... — протянул кто-то из ребят.

— Чудной ты, — сказал Вадим. — Лес все любят, а ты его бойишься! И днём бойишься?

— Нет, днём меньше. Днём всё видно.

— Ну, а если бы ты попробовал преодолеть в себе этот страх? Вот как Саша — преодолел же он свой недостаток, когда понял, что это никуда не годится! И ты попробуй. Возьми себя крепко в руки и решись пойти в лес, и ты увидишь, что ничего там страшного нет, — сказал Гриша.

— Конечно, Димка! Прямо скажи себе: я ничего не боюсь. И иди. Вон лес! — зашумели вокруг ребята.

Димка оглянулся на лес и тяжело вздохнул.

— Может, я с ним пойду для первого раза? — предложил Костя.

— Ну, уж нет! Без нянек, пожалуйста. Димка, пионер.

— Нечего ему тут долго думать! Пошёл — и всё.

Гриша вдруг встал, нащупал в траве пустое ведро и протянул его Диме:

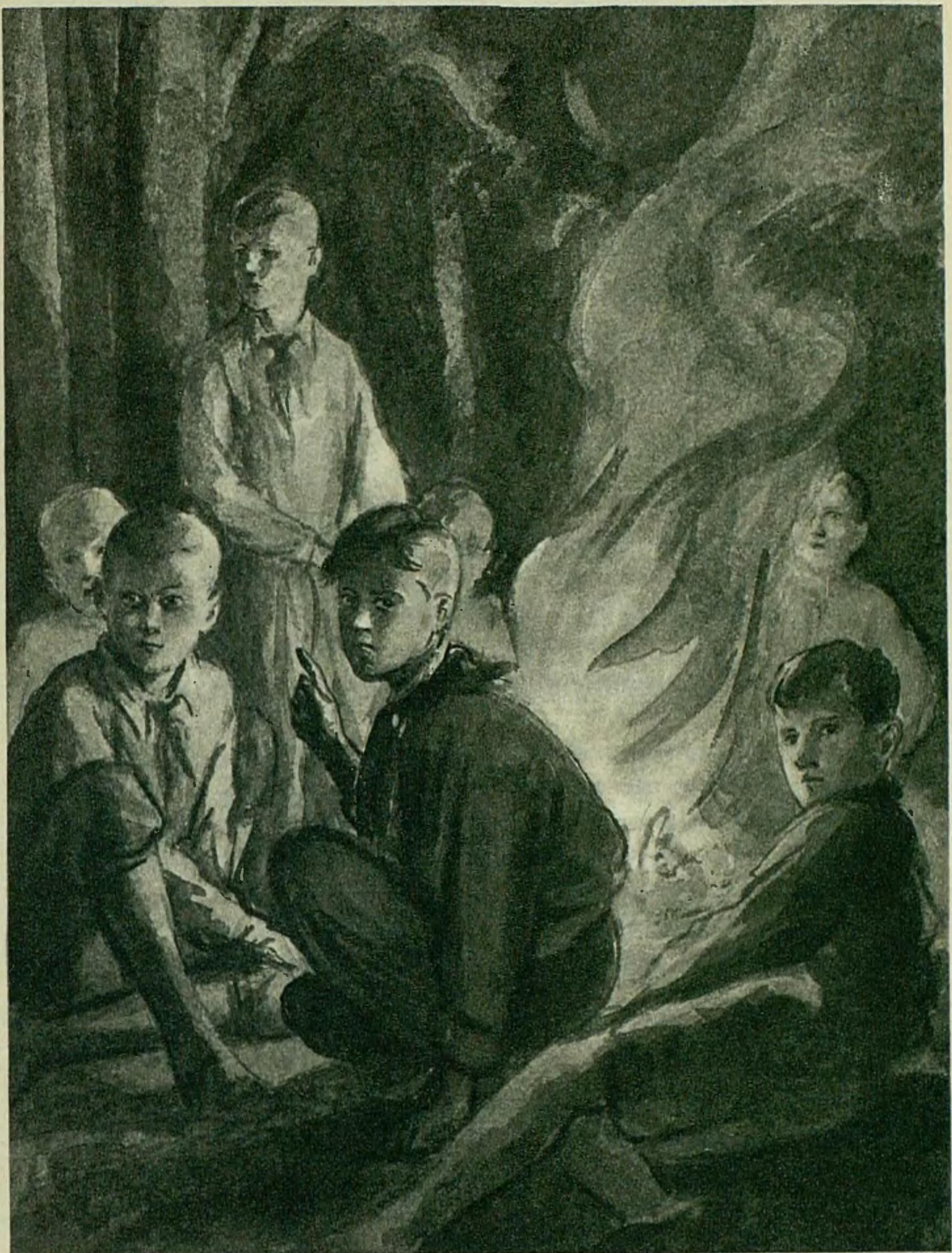
— Слушай! Вон там под горкой ручей. Мы с тобой сегодня там были... Пойди и набери воды в ведро, понял?

Дима нерешительно взял ведро.

— Иди, иди, Димка! Нас много. Мы, в случае, чего, все на помошь прибежим, — подбадривали Диму ребята.

— Иди, — дружески сказал Вадим и погладил товарища по плечу. — Не бойся ничего!

Дима пошёл. Ребята молча смотрели, как он спускался с



Сквозь ночную тишину прорвался откуда-то дрожащий, жалобный крик...

косогóра, как в темнотé постепéнно тáяла егó фигúра, удаляясь вмéсте с тíхим звónом болтáющegoся на рукé ведrá. Когдá егó ужé не стáло вíдно, все заговорíли ráзом, перебивáя друг дру́га:

— Пошёл!

— Ну и хорошо!

— Вáжно пérвый раз решиться.

— А всé-таки сила вóli у него есть, ребята!

— А ну, потíше! Не зовёт? — спрашивал изредка Вадíм, насторожённо прислúшиваясь к кáждому звúку.

— Не зовёт. Чего ему звать!

Вréмя тянúлось мéдленно. Ребята помолчáли. Потóм поговорíли еще, но за словáми ужé чuvствовалось нетерпелíвое ожидáние.

— Дóлго чего-to он, — сказал Кóстя, вглядываясь в темнотý.

— Мóжет, пólное ведró зачерпнúл — в góru тяжелó нестí, — предположíл кто-to.

— Не торóпится, — поднимáясь, сказал Грýша. — Пойдú посмотрю, что там.

— А ну, тýше! — вдруг крикнул Вадíм и зáмер, подняв вверх рúку.

Сквозь ночnúю тишинú прорváлся отку́да-то дрожáщий, жáлобный крик...

Ребята вскочили и, толкáя друг дру́га, рýнулись¹ в темнотý.

Грýша, цепляясь за вéтки сбегающих по косогóру кустóв, пérвый достíг ручья. За ним почтí скатился с горки Вадíм, потом остальные ребята. Дýмки не было. В кустáх булькал ручéй. На берегú валялось пустóе ведró.

— Дýмка! Эй, эй, Дýмка-а-а! — тревóжно понеслóсь по лесу.

«А-а-а...» — передráзнивая ребят, отклиknулось леснóе эхо, и вслед за ним — сно́ва дрожáщий тóнкий звук, заглушённый гóлосом Дýмы:

— Сюдá! Сюдá!

Ребята, ломáя сúчья и обжигáясь крапíвой, бросились на зов.

Гóлос шёл из глубóкого овráга. На дне егó, в тóпком болóте, копошился² Дýмка и рядом с ним что-to большóе, тёмное, похожее на зvéря.

¹ Рýнулись (рýнуться) — устремíлись бегóм.

² Копошился (копошиться) — мéдленно шевелился.

— Ребята, сюда! Тут жеребёнок в болоте застрял — никак не вытащу! — кричал Дымка.

— И-и-и... — жалобно ржал жеребёнок, пробуя вытащить заплывшие топкой глиной ноги.

Дымка, подвернув выше колено штаны и обхватив обеими руками шею жеребёнка, изо всех сил тащил его на берег.

Ребята сбросили тапочки и полезли в овраг.

* * *

У ручья вымыли ноги. Почистили копытца жеребёнку. Дымка, поглаживая густую щеточку его гривки, возбужденно рассказывал:

— Я пришёл к ручью... и только хотел воды зачерпнуть, слышу — кричит кто-то. Я подумал, ребёнок кричит... заблудился, в овраг попал! Ну, бросил ведро — и туда. А там не ребёнок, а жеребёнок стоит. Залез в топкое место и никак не вылезет! — Он провёл рукой по торчащим вверх ушам жеребёнка и добавил: — Тут колхоз близко... Наверное, в ночное¹ лошадей пригнали, а он отбился от матери и попал в болото.

Ребята смотрели на Дымку и улыбались.

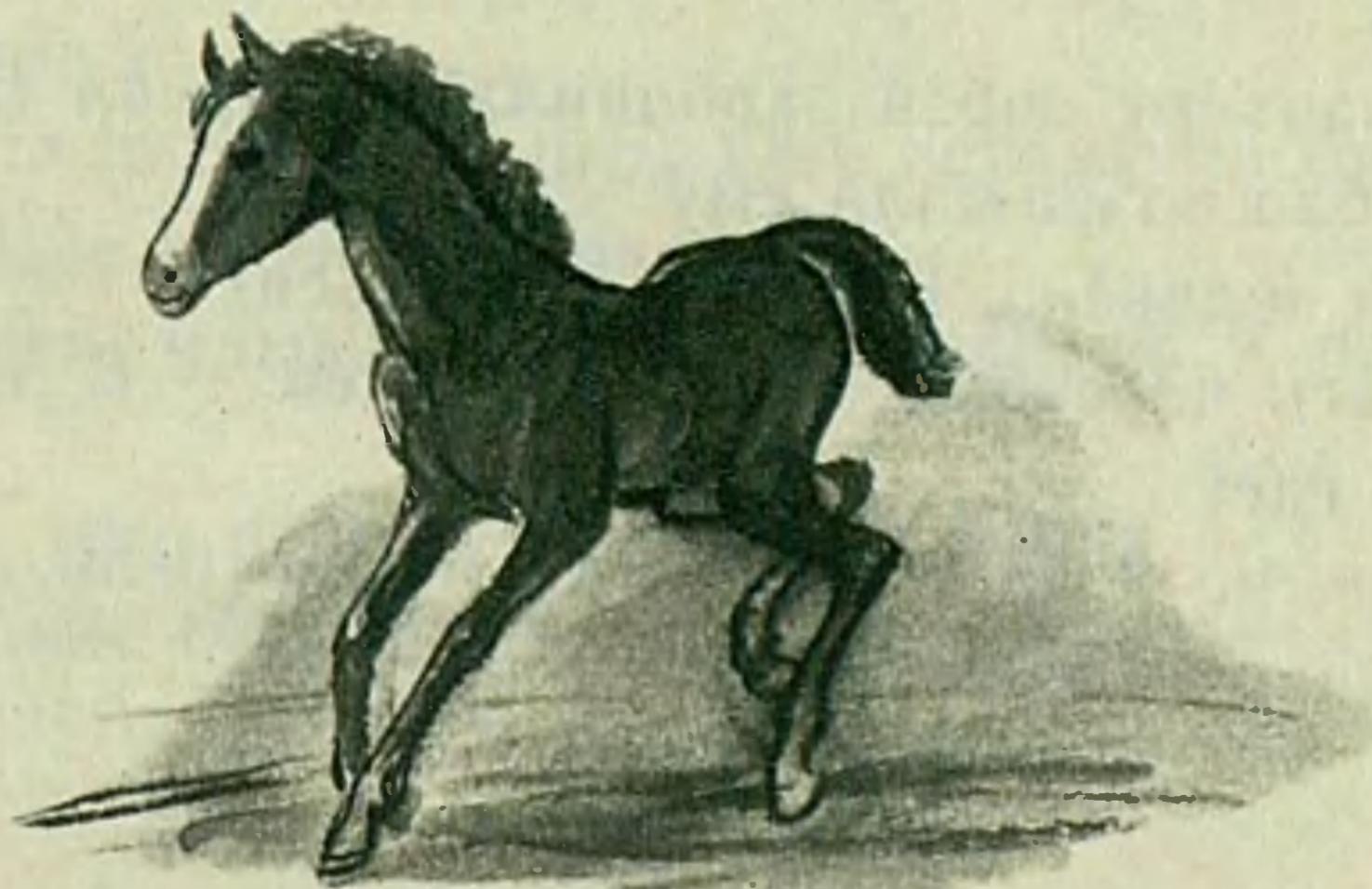
— А как же ты пошёл в овраг, Дима? — спросил Костя. — Ты ведь и к ручью идти боялся!

— Это другое дело, — быстро отвётил за товарища Вадим. — В овраг он на помощь побежал, тогда, верно, и страха не было...

— Нет, был. — Дымка улыбнулся и покачал головой. — Ещё какой страх был! Только я стиснул зубы и решил: будь что будет. Не бросать же кого-то в беде! Я этот страх свой... как бы вам сказать... — Дима развёл руками, подыскивая слово.

— Преодолел, — спокойно доказал за него Гриша.

¹ Ночное — пастьба лошадей ночью в летнее время.





БАБКА

Бáбка былá тúчная, ширóкая, с мягким, певúчим гóлосом. В стáрой вýзаной кóфте, с подоткнутой за пояс юбкой, расхáжива-ла она по кóмнатам, неожýданно появляясь перед глазáми, как большáя тень.

— Всю квартиру собóй запóлнила! — ворчáл Бóрькин отéц.
А мать рóбко возражáла ему:
— Стáрый человéк... Кудá же ей дéться?
— Зажилáсь на свéте, — вздыхáл отéц. — В инвалидном дóме
ей ме́сто, вот где!

Все в дóме, не исключáя и Бóрьки, смотрéли на бáбку, как на
совершéнно ли́шнего человéка.

* * *

Бáбка спалá на сундукé. Всю ночь она тяжелó ворóчалась с бóку на бок, а утром вставáла рáньше всех и гремéла в кúхне посúдой. Потóм будíла зáтя и дочь:

— Самовáр поспéл, вставáйте! Попéйте горяченького-то на дóржку...

Подходíла к Бóрьке:

— Вставáй, бáтюшка мой, в школу порá!

— Зачéм? — сónным гóлосом спрашивал Бóрька.

— В школу зачéм? Тёмный человéк глух и нем — вот зачéм!

Бóрька прýтал гóлову под одеяло:

— Иди ты, бáбка...

— Я-то пойдú, да мне не к спéху, а вот тебé к спéху.

— Máма! — кричáл Бóрька. — Чегó она тут гудíг над úхом, как шмель?

— Бóря, вставáй! — стучáл в стéнку отéц. — А вы, мать, отойдите от него, не надоедáйте с утрá.

Но бáбка не уходíла. Она натягивала на Бóрьку чулкý, фуфáйку. Грúзным тéлом колыхáлась перед его кровáтью, мягко шлёпала тýфлями по кóмнатам, гремéла тáзом и всё что-то приговáривала.

В сеняx отéц шárкал вéником:

— А кудá вы, мать, калóши дéли? Кáждый раз во все углы тыкаешься из-за них!

Бáбка торопíлась к нему на помошь:

— Да вот онý, Петрúша, на сáмом видú. Вчeraсь уж очень грýзны были, я их обмыла и постáвила.

Отéц хлóпал двéрю. За ним тороплýво выбегáл Бóрька. На лéстнице бáбка совáла ему в сúмку яблоко йли конфéту, а в кармáн чýстый носовóй платóк.

— Да нú тебя! — отмáхивался Бóрька. — Рáньше не моглá дать! Опоздáю вот...

Потóм уходíла на рабóту мать. Она оставляла бáбке продúкты и уговáривала её не трáтить лýшнего:

— Поэконóмней, máма. Пéтя и так сéрдится. У него ведь четыре рта на шéе.

— Чей род — того и рот, — вздыхáла бáбка.

— Да я не о вас говорю! — смягчáлась дочь. — Вообщé расхó-

ды большиe... Поаккуратней, мама, с жирами. Боре пожирней, Пете пожирней...

Потом ссыпались на бабку другие наставления. Бабка принимала их молча, без возражений.

Когда дочь уходила, она начинала хозяйничать. Чистила, мыла, варила; потом вынимала из сундука спицы и вязала. Спицы двигались в бабкиных пальцах то быстро, то медленно — по ходу её мыслей. Иногда совсём останавливались, падали на колени, и бабка качала головой:

— Так-то, голубчики мой! Не просто, не просто жить на свете!

* * *

Приходил из школы Борька, сбрасывал на руки бабке пальто, шапку и, швыряя на стол сумку с книгами, кричал:

— Бабка, поесть!

Бабка прятала вязанье, торопливо накрывала на стол и, скрестив на животе руки, следила, как Борька ест. В эти часы как-то невольно Борька чувствовал бабку своим, близким человеком. Он охотно рассказывал ей об уроках, товарищах. Бабка слушала его любовно, с большим вниманием, приговаривая:

— Всё хорошо, Борюшка: и плохое и хорошее хорошо. От плохого человека крепче делается, от хорошего душа у него зацветает.

Иногда Борька жаловался на родителей:

— Обещал отец портфель. Все пятиклассники с портфелями ходят!

Бабка обещала поговорить с матерью и выговаривала Борьке портфель.

Наевшись, Борька отодвигал от себя тарелку:

— Вкусный кисель сегодня! Ты ела, бабка?

— Ела, ела, — кивала головой бабка. — Не заболься обо мне, Борюшка, я, спасибо, сыта и здрава¹.

Потом вдруг, глядя на Борьку выцветшими глазами, долго жеевала она беззубым ртом какие-то слова. Щёки её покрывались рябью, и голос понижался до шепота:

— Вырастешь, Борюшка, не бросай мать, заболься о матери. Старое — что малое. В старину говорили: трудней всего три ве-

¹ Здрава — здорова

щи в жи́зни: бóгу моли́ться, долгí плати́ть да родите́лей корми́ть.
Так-то, Бóрюшка, голубчик мой!

— Я мать не брошу. Это в стари́ну, мóжет, таки́е лю́ди бы́ли, а
я не тако́й!

— Вот и хоро́шо, Бóрюшка. Бúдешь пойти-корми́ть да подава́ть
с лáскою. А уж бáбка тво́я на э́то с тогó свéта рáдоваться бúдет.

— Лáдно. Тóлько мёртвой не приходи́, — говори́л Бóрька.

Пóсле обéда, е́сли Бóрька остава́лся дóма, бáбка подава́ла
ему газéту и, присáживаясь рáдом, проси́ла:

— Почитáй что-нибу́дь из газéты, Бóрюшка: кто живё́т, а кто
мáется¹ на бéлом свéте.

— «Почитáй»! — ворчáл Бóрька. — Самá не мáле́нькая!

— Да что ж, кóли не умею я.

Бóрька засóывал рóки в кармáны и станови́лся похóжим на
отца:

— Лéнишься? Скóлько я тебя́ учíл! Давáй тетráдку.

Бáбка достава́ла из сундука́ тетráдку, карандáш, очки́.

— Да зачём тебе́ очки́? Всё равнó ты бúквы не зна́ешь.

— Всё кáк-то я́вственней в них, Бóрюшка.

Начина́лся урóк. Бáбка стара́тельно выводи́ла бúквы; «ш» и
«т» не дава́лись ей никáк.

— Опять лíшнюю пálку пристáвила! — сердíлся Бóрька.

— Ох-ох! — пугáлась бáбка. — Не сосчитáю никáк.

— Хоро́шо, ты при совéтской вláсти живёшь, а то в цárское
врёмя зна́ешь, как тебе́ дра́ли бы за э́то?

— Вéрно, вéрно, Бóрюшка. Бог — судья́, солдáт — свидéтель.
Жáловаться бы́ло нéкому.

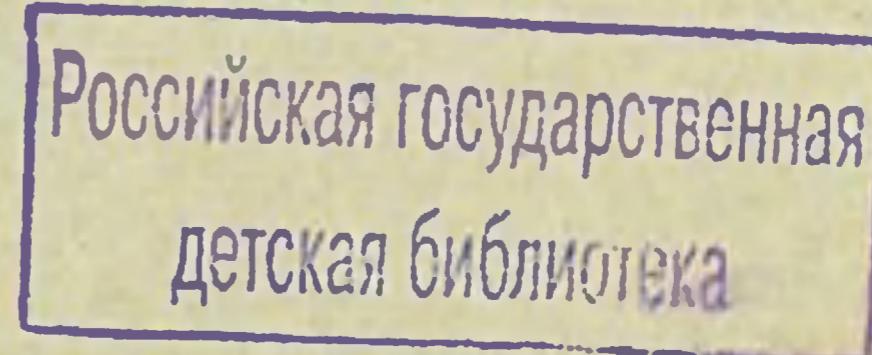
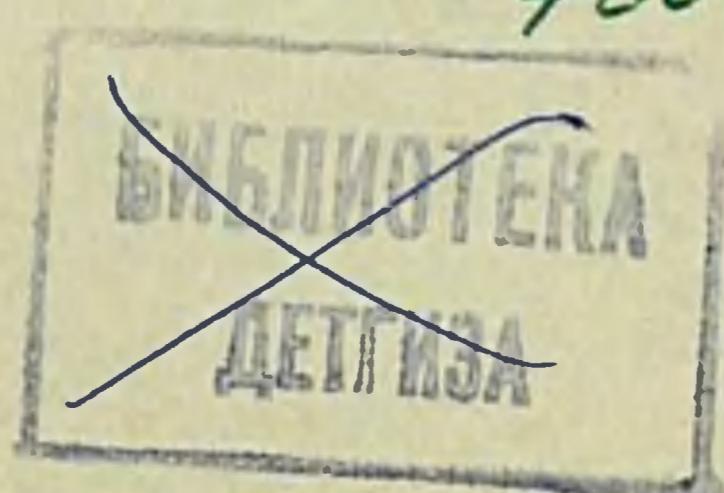
Со дворá доноси́лся визг ребя́т.

— Давáй пальто́, бáбка, скорéй, нéкогда мне с тобóй возýться!

Бáбка опять остава́лась однá. Попráвив на носу́ очки́, она́ осто-
рожно развёртывала газéту, подхóдila к окнú и дóлго, мучíтельно
вглядывалась в чёрные стрóки. Бúквы, как жучкí, расползáлись
перед глазáми; натыка́ясь друг на дру́жку, сбива́лись в кúчу. Не-
ожиданно выпрыгивала отку́да-то знакóмая трúдная бúква. Бáбка
поспéшно зажимáла её тóлстым пáльцем и торопíлась к столу́.

— Три пálки... три пálки... — рáдовалась она́.

¹ Мáется (мáяться) — здесь: мúчится.



* * *

Досаждали бáбке забáвы внúка. То летáли по кóмнате бéлье, как гóлуби, вы́резанные из бумáги самолёты. Описáв под потолкóм круг, онí застревáли в маслёнке, пáдали на бáбкину голову. То являлся Бóрька с нóвой игрóй — в «чекáночку». Завязáв в тря́почку пятáк, он бéшено прýгал по кóмнате, подбрасывая его ногóй. При э́том, охвáченный азáртом игры, он натыкался на все окружáющие предметы. А бáбка бéгала за ним и растéрянно повто́ряла:

— Бáтюшки, бáтюшки! Да что же э́то за игрá такáя! Да ведь ты всё в дóме переколотиши!

— Бáбка, не мешáй! — задыхáлся Бóрька.

— Да ногáми-то зачéм, голúбчик? Рукáми-то безопáсней ведь.

— Отстáнь, бáбка! Что ты понимáешь! Ногáми надо.

* * *

Пришёл к Бóрьке товáрищ. Товáрищ сказал:

— Здрáвствуйте, бáбушка!

Бóрька вéсело подтолкнúл его лóктем:

— Идём, идём! Мóжешь с ней не здорóваться. Онá у нас стáрая старушéнция.

Бáбка одёрнула кóфту, попráвила платóк и тýхо пошевелила губáми:

— Обíдеть — что удáрить, приласкáть — надо словá искáть.

А в сосéдней кóмнате товáрищ говорýл Бóрьке:

— А с на́шой бáбушкой всегдá здорóваются. И свой и чужíе.

Онá у нас глáвная.

— Как э́то — глáвная? — заинтересовался Бóрька.

— Ну, стáренъкая... всех вы́растила. Её нельзя обижáть. А что же ты со своéй-то так? Смотри, отéц взгрéет!¹

— Не взгрéет! — нахмúрился Бóрька. — Он сам с ней не здорóвается.

Товáрищ покачáл головóй:

— Чуднó! Тепéрь стáрых все уважáют. Совéтская власть зна́ешь, как за них заступáется! Вот у однíх в на́шем дворé стáричкú пло́хо

¹ Взгрéет (взгреть) — сдéляет стрóгий вы́говор, отругáет, побьёт.



Пóсле обéда бáбка подавáла Бóрьке газéту и просíла почитáть.

жилось, так ему теперь они платят. Суд постановил. А стыдно-то как перед всеми, жуть!

— Да мы свою бабку не обижаем, — покраснел Борька. — Она у нас... сытая и здрава.

Прощаясь с товарищем, Борька задержал его у дверей.

— Бабка, — нетерпеливо крикнул он, — иди сюда!

— Иду, иду! — заковыляла из кухни бабка.

— Вот, — сказал товарищу Борька, — попрощайся с моей бабушкой.

После этого разговора Борька часто ни с того ни с сего спрашивал бабку:

— Обижаем мы тебя?

А родителям говорил:

— Наша бабка всех лучше, а живёт хуже всех — никто о ней не заботится.

Мать удивлялась, а отец сердился:

— Кто это тебя научил родителей осуждать? Смотри у меня — мал ещё! — И, раз волновавшись, набрасывался на бабку: — Вы, что ли, мамаша, ребёнка учите? Если недовольны нами, могли сами сказать.

Бабка, мягко улыбаясь, качала головой:

— Не я учу — жизнь учит. А вам бы, глупые, радоваться надо. Для вас сын растёт! Я своё отжила на свете, а ваша старость впереди. Что убьёте, то не вернёте.

* * *

Перед праздником возилась бабка до полуночи в кухне. Гладила, чистила, пекла. Утром поздравляла домашних, подавала чистое гляженое бельё, дарила носки, шарфы, платочки.

Отец, примеривая новые носки, кряхтел от удовольствия:

— Угодили вы мне, мамаша! Очень хорошо, спасибо вам!

Борька удивлялся:

— Когда это ты навязала, бабка? Ведь у тебя глаза старые — мал ещё ослепнешь!

Бабка улыбалась морщинистым лицом.

Около носа у неё была большая бородавка. Борьку эта бородавка забавляла.

— Какой петух тебя клюнул? — смеялся он.

— Да вот выросла, что поделаешь!

Борьку вообще интересовало бабкино лицо. Были на этом лицце разные морщины: глубокие, мелкие, тонкие, как ниточки, и широкие, вырытые годами.

— Чего это ты такая разрисованная? Старая очень? — спрашивал он.

Бабка задумывалась.

— По морщинам, голубчик, жизнь человеческую, как по книге, можно читать.

— Как же это? Маршрут, что ли?

— Какой маршрут? Просто горе и нужда здесь расписались. Детей хоронила, плакала — ложились на лицо морщины. Нужду терпела, билась — опять морщины. Мужа на войне убили, много слёз было — много и морщин осталось. Большой дождь и тот в земле ямки робет.

Слушал Борька и со страхом глядел в зеркало: мало ли и он поревел в своей жизни — неужели всё лицо таким нитками затянется?

— Иди ты, бабка! — ворчал он. — Наговоришь всегда глупостей.

* * *

Когда в доме бывали гости, наряжалась бабка в чистую ситеющую кофту, белую с красными полосками, и чинно¹ сидела за столом. При этом следила она в оба глаза за Борькой, а тот, делая ей гримасы, таскал со стола конфеты.

У бабки лицо покрывалось пятнами, но сказать при гостях она не могла.

Подавали на стол дочь и зять и делали вид, что мамаша занимает в доме почётное место, чтобы люди плохого не сказали. Зато после ухода гостей бабке доставалось за всё: и за почётное место и за Борькины конфеты.

— Я вам, мамаша, не мальчик, чтобы за столом подаваться! — сердился Борькин отец.

— И если уж сидите, мамаша, сложите руки, то хоть за маль-

¹ Чинно — здесь: важно, спокойно.

чышкой приглядéли бы: ведь все конфéты потаскáл! — добавляла мать.

— Да что же я с ним сдёлаю-то, милье мой, когда он при гостях вольным дёлается? Что спил, что съел, царь колéном не выдавит, — плáкалась бáбка.

В Бóрьке шевелилось раздражéние прóтив родítелей, и он ду́мал про себя: «Вот бúдете стáрыми, я вам покажú тогдá!»

* * *

Былá у бáбки завéтная шкатúлка¹ с двумя замкáми; никто из домáшних не интересовáлся этой шкатúлкой. И дочь и зять хорошо знали, что дéнег у бáбки нет. Прятала в ней бáбка какие-то ве-щýцы «на смéрть».

Бóрьку одолевáло любопытство:

— Что у тебя там, бáбка?

— Вот помрú — всё вáше бúдет! — сердíлась она. — Остáвь ты меня в покóе, не лéзу я к твоим-то вещáм!

Раз Бóрька застал бáбку спáящей в кréсле. Он открыл сундúк, взял шкатúлку и заперся в своéй кóмнате. Бáбка проснúлась, уви-дáла открытый сундúк, óхнула и припáла к дvéри.

Бóрька дразнýлся, гремя замкáми:

— Всё равнó открою...

Бáбка заплáкала, отошла в свой úгол, легла на сундúк. Тогда Бóрька испугáлся, открыл дверь, бróсил ей шкатúлку и убе-жáл.

— Всё равнó возьмú у тебя, мне как раз такáя нужнá, — драз-нýлся он потóм.

За послéднее вре́мя бáбка вдруг сгóрбилась, спинá у неё стáла крúглая, ходíла она тýше и всё присáживалась.

— В зéмлю врастáет, — шутíл отéц.

— Не смéйся над стáрым человéком, — обижáлась мать.

А бáбке в кúхне говорíла:

— Что э́то вы, мáма, как черепáха по кóмнате двíгаетесь? По-шлёшь вас за чéм-нибудь и назáд не дожdёшься.

¹ Шкатúлка — небольшой ящик для мéлких вещéй.

* * *

Умерла бáбка перед мáйским прáздником. Умерла однá, сидя в кресле с вязáнем в рукáх; лежáл на колéнях недоконченный но-сóк, на полú — клубóк нýток. Ждалá, вýдно, Бóрьку. Стоял на столé готовый прибрó. Но обéдать Бóрька не стал. Он дóлго глядéл на мёртвую бáбку и вдруг óпрометью бróсился из кóмнаты. Бéгал по ýлицам и боялся вернúться домóй. А когда осто́рожно открыл дверь, отéц и мать были ужé дóма.

Бáбка, наряженнáя, как для гостéй — в бéлой кóфте с красны-ми полóсками, — лежáла на столé. Мать плáкала, а отéц вполгóло-са утешáл её:

— Что же дéлать? Пожилá — и довóльно. Мы её не обижáли, терpéли и неудóбства и расхóд.

В кóмнату набились сосéди. Бóрька стоял у бáбки в ногáх и с любопытством рассмáтривал её. Лицо у бáбки было обыкновéнное, только бородáвка побелéла, а морщíн стáло мénьше.

Нóчью Бóрьке было страшно, он боялся, что бáбка слéзет со столá и подойдёт к его постéли. «Хоть бы унесли её скóре!» — думал он.

На другóй день бáбку схоронíли. Когда шли на клáдбище, Бóрька беспокóился, что уронят гроб; а когда заглянúл в глубóкую яму, то поспéшно спрýтался за спýну отца.

Домóй шли мéдленно. Провожáли сосéди. Бóрька забежáл впе-рёд, открыл свою дверь и на цыпочках прошёл мýмо бáбкиного кréсла. Тяжёлый сундúк, обýтый желéзом, выпирáл на середíну кóмнаты, тёплое лоскútное одеяло и подúшки были слóжены в углú.

Бóрька постоял у окна, поковырýл пáльцем прошлогóднюю замáзку и открыл дверь в кúхню. Под умывáльником отéц, засучив рукавá, мыл калóши; вода затекáла на подклáдку, брызгала на стéны. Мать гремéла посудой. Бóрька вышел на лéстницу, сел на перíла и съéхал вниз.

Вернúвшись со дворá, он застáл мать сидящеей перед раскрытым сундукóм. На полú былá свáлена всякая рúхлядь¹. Пáхло зале-жáвшимися вещáми.

Мать вынula смятый рыжий башмачóк и осто́рожно распра́вила его пáльцами.

¹ Рúхлядь — здесь: старые вéщи.

— Мой ещё, — сказала она и низко наклонилась над сундуком. — Мой...

На самом дне загремела шкатулка. Борька присел на корточки. Отец потрепал его по плечу:

— Ну что же, наследник, разбогатеем сейчас!

Борька юркнул взглянуть на него.

— Без ключей не открыть, — сказал он и отвернулся.

Ключи долго не могли найти — они были спрятаны в кармане бабкиной кофты. Когда отец встряхнул кофту и ключ со звоном упал на пол, у Борьки отчего-то сжалось сердце.

Шкатулку открыли. Отец вынул тугой сверток: в нем были теплые варежки для Борьки, носки для зятя и безрукавка для дочери. За ними следовала вышитая рубашка из старинного, выцветшего шелка — тоже для Борьки. В самом углу лежал пакетик с леденцами, перевязанный красной ленточкой. На пакетике что-то было написано большими печатными буквами.

Отец повертел его в руках, прищурился и громко прочел:

— «Внуку моему Борюшке».

Борька вдруг побледнел, вырвал у него пакет и убежал на улицу. Там, присев у чужих ворот, долго вглядывался он в бабкины караули: «Внуку моему Борюшке».

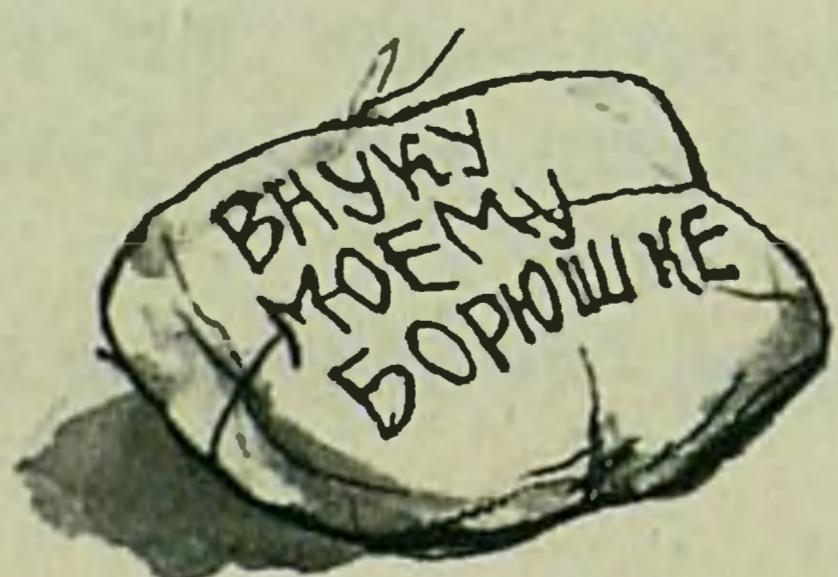
В букве «ш» было четыре палочки.

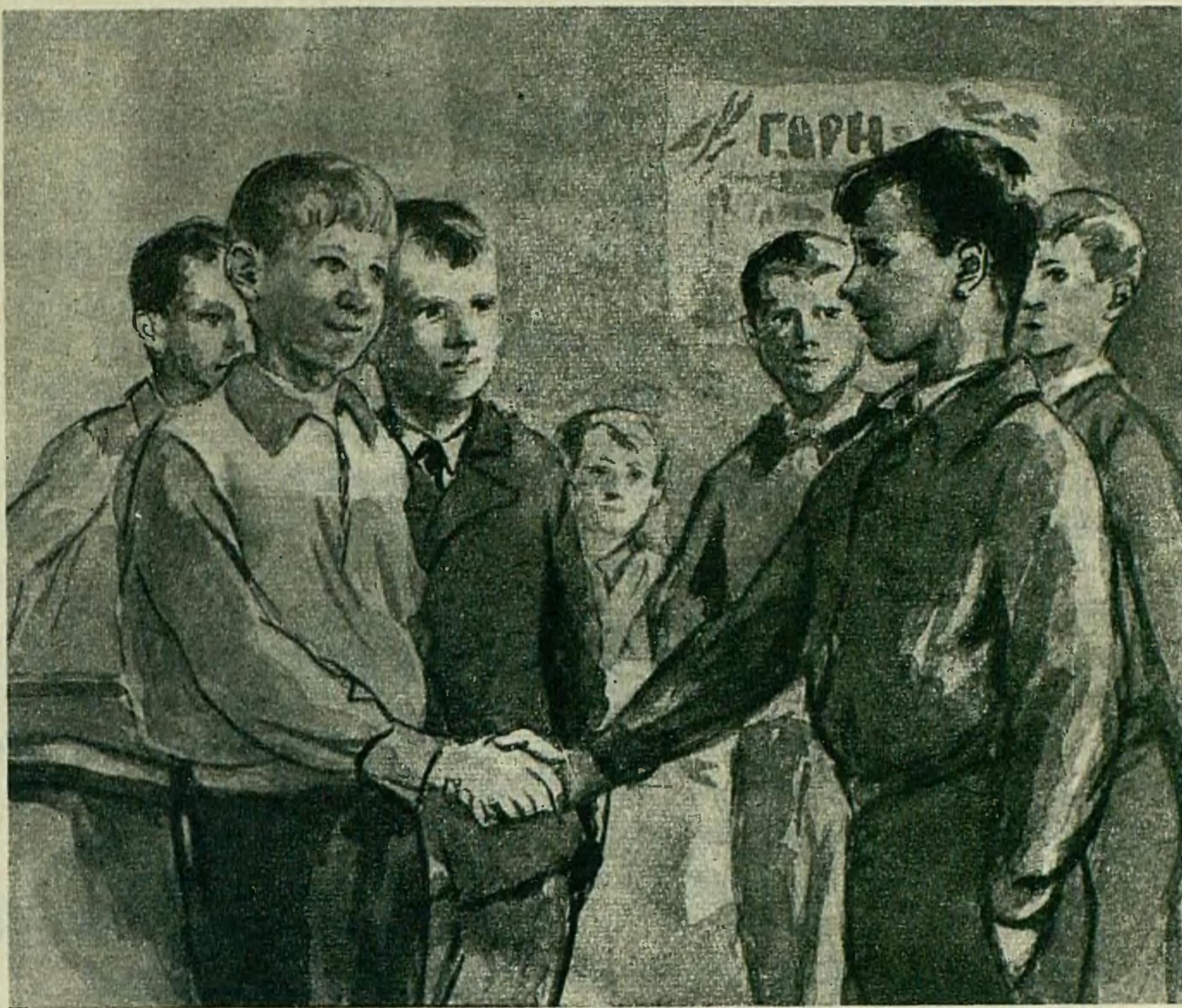
«Не научилась!» — подумал Борька. И вдруг, как живая, встала перед ним бабка — тихая, виноватая, не выучившая урока.

Борька растерянно оглянулся на свой дом и, зажав в руке пакетик, побрел по улице вдоль чужого длинного забора...

Домой он пришел поздно вечером; глаза у него распухли от слез, к коленкам пристала свежая глина.

Бабкин пакетик он положил к себе под подушку и, закрывшись с головой одеялом, подумал: «Не придет утром бабка!»





В КЛАССЕ

Когда Пётя вошёл в класс, ребята сразу окружили его.

— Новенький, новенький! — закричали они.

Высокий мальчик раздвинул ребят и, подойдя к новичку, протянул ему загорелую крепкую руку:

— Давай знакомиться! Игорь.

Пётя улыбнулся, тряхнул протянутую к нему руку и, обращаясь ко всем, сказал:

— А меня зовут Пётя Набатов.

— Набатов? Здорово!

— Хорошая фамилия!

— Молодец, что приехал!

— У нас самые дружные ребята!

— Почти все хорошо учатся, только вот Бунька подводит! — перебивая друг друга, шумно заговорили ребята.

Игорь прищурил глаза и, облокотившись на парту, осторожно спросил:

— Ну, а ты, Набатов, вообще как учишься?

Ребята примолкли и с интересом ждали ответа. Петья пожал плечами и усмехнулся:

— Странный вопрос. Я отличник, конечно!

— Отличник? — Игорь весело хлопнул новичка по плечу. — Вот здорово!

— Ребята, он отличник! Отличник! — одобрительно зашумели вокруг.

— В нашем полку прибыло!

— Игорь, где ему сесть?

— Садись на заднюю парту, Набатов! — сказал Игорь.

— Почему на заднюю? — недовольно спросил Петья.

— Да ты не обижайся. У нас такое правило: мы отличников всегда на задние парты сажаем. Я сам там сижу. А отстающие у нас поближе к учителю сидят, чтоб на виду были.

— А! Ну хорошо. Я не знал.

Ребята торжественно проводили Петю к его парте и, окружив со всех сторон, стали рассказывать ему все школьные новости.

После звонка в класс вошел учитель.

— Андрей Александрович! А у нас новенький!

— Отличник! — похвастался круглолицый Бунька.

— Отличник? Очень приятно. А ты откуда знаешь? — улыбнулся Андрей Александрович.

— Сразу видно! На глазок! — засмеялся Бунька.

— Жалко, что ты себя не видишь «на глазок», — пошутил учитель и взглянул на задние ряды парт, где сидел новый ученик.

— Ну, новенький, здравствуй! Давай познакомимся. Как твой фамилия?

— Петья Набатов, — отчетливо сказал новичок, поправляя курточку и приглаживая чёрные, коротко подстриженные волосы. — Я учился в Томске.

— Хороший город, — сказал учитель. — Ты как-нибудь нам расскажешь о нём.

Начался урок. Андрей Александрович вызывал ребят к доске.

Нéсколько раз спросíл с ме́ста Набáтова. На вопросы Пéтя отве-чáл без запýнки.

— Хорошó! Очень хорошó, Набáтов! — хвалил учýтель.

Ребята торжествующе переглядывались, подталкивая сосéдей локтями.

Бúнька, как волчóк, вертёлся на пárте и громко шептал своею сосéду:

— Огó! Какóй крúглый отлýчник!

— Пожáлуи, дáже сильней Игоря!

Вýтя Вóлков с любопытством разглядывал новичкá. Ему бýли видны кóротко подстриженный затýлок мáльчика, высóкий воротник егó кúрточки, спинá и плéчи, которые он держáл рóвно и прýмо.

«Молодéц! — думал Вýтя. — Ничегó не бойтся и дéржится кákто хорошо. Интерéсно познакóмиться с таким поближе».

* * *

Пóсле уróков ребята подходíли к Пéте и одобрытельно хлóпали егó по плечу, а в раздевáлке Вýтя Вóлков спросíл:

— Тебé в какýю стóрону?

— Мне налево. А что?

— Хóчешь, пойдём вмéсте погуляем? Я тебé нáшу Москвú-реку покажу.

Пéтя согласýлся. Мáльчики бродíли часá два по улицам, разглядывая памятники; проéхались на метрó. Потóм остановýлись на набережной и дóлго смотрéли на высóкие бáшни Кремля.

Провожáя Пéтю домóй, Вýтя предложíл ему почáще пóсле уróков прогуливаться вмéсте по Москвé.

— Пойдём завтра же, — сказал Пéтя.

— Завтра мне нельзя. Я завтра к одному товáрищу идú. Он болéет, и мы все по óчереди нóсим ему домóй уróки. Три дня одýн, потóм три дня другóй, а завтра как раз моя óчередь начи-нается.

— Огó! По три дня! Ну лáдно, так ты занесí уróки, а я подождú тебя, и пойдём.

— Ну нет, так не выйдет. Обычно как придёшь, так уж весь вéчер просидýшь. То уróки с ним вмéсте сдéлаешь, то в шáхматы

поиграешь. А сколько новостей надо рассказывать! Ведь ему же скучно одному, а нас много, вот мы и распределились.

— Не люблю я больных, — поморщился Пётя.

— Нет, он хороший парень. Отличник тоже, как ты, и хороший товарищ. Мы его любим! — горячо сказал Витя.

— Ну ладно. В общем, значит, через три дня, как ты освободишься, пойдём в музей.

— Хорошо, конечно! А потом можно сходить и в кино...

Мальчики подружились; разговор стал задушёвный, открытый.

— Ты знаешь, — говорил Витя, — у нас в классе, конечно, не все ребята одинаковые... ну, там по характеру, что ли... Но всё-таки класс у нас очень дружный, ребята боевые, всем интересуются. Кто что услышит, сейчас расскажет; иногда поспорим. Один тот, другой это слышал...

— Я люблю таких ребят! Можно что-нибудь придумывать вместе, — мечтательно сказал Пётя, — а потом на пионерском собрании обсудить.

Расставаясь, мальчики чувствовали, что между ними завязалась прочная дружба.

* * *

В классе Пётя быстро завоевал авторитет. Он охотно делался с товарищами всем, что знал, умел интересно рассказывать о том, что увидел где-нибудь сам или прочитал в какой-нибудь книге. Постепенно Пётина партия стала самым оживлённым местом в классе. Около неё постоянно толпились ребята. Классный организатор Игорь радовался, что появился ещё один живой, интересный товарищ.

Единственно, что беспокоило Игоря, это поведение Набатова на уроках. Пётя как будто томился¹ и скучал, когда учитель вызывал к доске ученика. При всякой ошибке он с усмешкой откликдался на спинку парты, громко заявлял:

— Неверно! Неправильно! — и порывался ответить.

Даже Андрей Александрович часто делал ему замечания:

— Набатов, подожди. Пусть сам сообразит.

Ученик, стоя у доски, начинал волноваться, поминутно оглядывался.

¹ Томился (томиться) — мучился, изнывал.

вался на Пётю и окончательно терялся¹, увидев на его лице улыбку.

Как-то раз после такого случая Игорь подошёл к Пёте и дружески сказал:

— Ты отличник, тебе всё легко даётся, а другим трудно; поэтому, когда они отвечают, ты их не сбиваешь зря.

Пётя обиделся и запальчиво² сказал:

— Как это — не сбиваешь? Я никого не сбиваю. Если что неправильно, указать ошибку каждый может.

— А тебе не просят раньше времени указывать, потому что если человек спокойно подумает, то и сам скажет, без твоей помощи! — рассердился Игорь.

Ребятам не хотелось ссориться с Пёте, но всё-таки они тоже сказали:

— Нехорошо, Набатов, получается! Стоишь у доски, думаешь, мучишься, а тут вдруг перебивает кто-то! Так, может, сам бы нашёл ошибку и Андрей Александрович не засчитал бы, а так выходит, что другой за тебя ответил.

Набатов дёрнул плечами:

— Лучше б уроки готовили как следует и не придирались к другим!

Он ушёл недовольный. Витя тоже не стал его ждать в раздевалке, чтобы вместе идти домой. У обоих осталось неприятное чувство. Пётя был уверен, что класс просто завидует ему.

Витя Волков, идя домой, думал о товарище: «Как это Пётя не понимает, что нехорошо вечно выскачивать? Да ещё не хочет слушать, что ему говорят, как будто все к нему зря придираются!»

На другой день Пётя вёл себя по-прежнему. Игорь хмурился и сердитокусал губы. Витю начинало сильно раздражать вызывающее поведение³ Набатова. Сидя на уроках позади Пёти, он глядел на его прямые плечи и сердито думал про себя: «Ишь, воображала! Не сидит, а торчит на парте».

Время шло. Прогулки Набатова и Вити по Москве давно прекратились, и, хотя оба мальчика втайне жалели об этом, никто не хотел заговаривать о них первым.

¹ Терялся (теряться) — здесь: терял уверенность в своих знаниях.

² Запальчиво — раздражённо, возмущённо

³ Вызывающее поведение — дерзкое поведение, оскорбляющее окружающих.

«Наплевáть! — гóрько дúмал Вítя. — Мóжно со всяkim в музéй пойтý. Жаль тóлько, что я с ним, как с товáрищем, говорíл, а он прóсто вы́скочка, и всё!»

Внимáние ребят от Péти неожиданно отвлёк Бúнька. Один раз Andréй Алексáндрович при всех крéпко отчитáл мáльчика за лень и неряшливость в домáших задáниях, а потóм сказáл, обращáясь ко всему клáссу:

— Приближáется конéц пéрвой чéтверти. Почти все отстаюющие подтянúлись, но у Бúни Прóнина никакого желáния подтянúться я не вижу. Вáше óбщее дéло — повлиять кák-то на товáрища, помóчь ему вы́правиться.

Ребята обрúшились на Бúньку:

— Ты что дúмаешь, на сáмом дéле?

— Весь клáсс подвестí хóчешь?

Посовéтовавшись с товáрищами, Вítя Вóлков начал помогáть Бúньке: проверял тетráди, спрашивал домáшие задáния. Чáсто они óба оставáлись после уróков.

Дéла у Вítи прибавилось, и, когда сноva подошлá егó óчередь идти к больному товáришу, Игорь сказáл, что вмéсто Вítи пойдёт Набáтов.

Однáжды úтром Вóлков подошёл к Набáтову. Péтя сидéл за пárтой и повторял уróк.

— Тебé сегóдня к Волóде идти, — сказáл ему Вítя.

— Кудá? — не поднимáя головы от кни́ги, переспросíл Péтя.

— К Волóде Светлóву. Ну, к тому товáрищу, который болéет. Класс решíл послáть тебя вмéсто менá, потому что я сейчáс с Бúнькой занимáюсь, а твоя óчередь всё равнó скóро подойдёт. Так вот: четвéрг, пятница и суббота. Не забúдь. Отнесёшь ему уróки и вообще посидíшь с ним, рассkáжешь, что в клáссе дéлается...

— Да я же с ним незнакóм совсéм! — с раздражéнием сказáл Péтя.

— Этоничéго. Я ему рассkáзывал о тебе, он очень хóчет тебя видеть, посовéтоваться о чём-то...

Péтя пожál плечáми, но спросíл áдрес. Вítя тут же вы́рвал из блокнóта листóк, написáл название úлицы, номер дóма, квартиры и отошёл.

В э́тот же день Andréй Алексáндрович вы́звал Бúньку. Ребята взволновáлись.

Бúнька стоял у доски красный, как кумач, и робко поглядывал на товарищей. Те молча старались ободрить его взглядами и улыбками. Витя кивал ему головой. Один Пётя сидел равнодушно, положив на парту правую руку и разглядывая свой ногти.

Учитель задал вопрос. Бунька ответил.

Андрей Александрович спросил еще что-то. Бунька опять ответил. Ребята весело переглянулись.

— Хорошо, — сказал Андрей Александрович. — Возьмай мел.

Он перелистал страницы учебника и медленно продиктовал несколько предложений.

Бунька осторожно водил мелом по доске, поминутно оглядываясь на товарищей. Товарищи, привстав на партах, следили за каждым словом и одобрительно кивали головой.

Андрей Александрович посмотрел на доску.

— Хорошо, — еще раз сказал он, глядя, как Бунька дописывает внизу доски последние слова. — Молодец!

— Неправильно! — вдруг послышался голос Пети. — В данном случае отрицание пишется отдельно от имени существительного, а у него вместе.

— Правильно! Правильно! Держись, Бунька! — закричал класс.

Но было уже поздно. Бунька поспешил стер написанные слова и в замешательстве¹ остановился.

— У него было отдельно! Там было мало места и буквы близко стояли, а так все правильно было! — крикнул Игорь.

— Правильно! Правильно! — зашумел класс.

— Тише, — сказал Андрей Александрович и положил руку на плечо Буньки.

— Почему ты стер эти слова, ты же правильно написал их? — ласково спросил он. — Значит, ты не уверен?

— Его сбили! Сбили! — закричали ребята.

Андрей Александрович нахмурился, на лбу его появилась резкая морщинка; он перевел взгляд на Петю Набатова:

— Ты нашел ошибку, Набатов?

— Мне показалось, что Пронин написал неправильно, — сказал Пётя.

— В следующий раз я прошу тебя не торопиться, — недовольно сказал учитель. — А тебе, Пронин, надо отвечать увереннее.

¹ В замешательстве (замешательство) — в смущении, в растерянности.

После урока ребята сорвались с места и окружили Пётю:

— Ты что же, нарочно сбил его?

— Против товарища идёшь?

— Он очень тесно поставил слова, и я решил, что у него ошибка, — оправдывался Пётя.

— Эх, ты! Заторопился! Поднял руку да ещё кричит: «Неправильно, неправильно!»

— Я уже предупреждал тебя, Набатов, как с человёком с тобой говорил, а ты назло нам стал делать! — сердито сказал Игорь.

— Он не товарищ, он высокачка! — расталкивая ребят, презрительно крикнул Витя.

Набатов побледнел, бросил на парту книги:

— Я не товарищ? Я высокачка? Ладно! Плевать мне на вас тогда! И соваться ко мне нёчего, а то все лезут, а потом высокачкой называют! А тебе, Волков, я этого не прощу и к товарищу твоему не пойду! Вот! Сами идите! — Он вытащил из кармана листок блокнота с адресом и швырнулся его на парту: — Наде! Без меня обойдёшься!

Ребята стояли молча. Когда Пётя ушёл, кто-то тихо сказал:

— Мы-то обойдёмся...

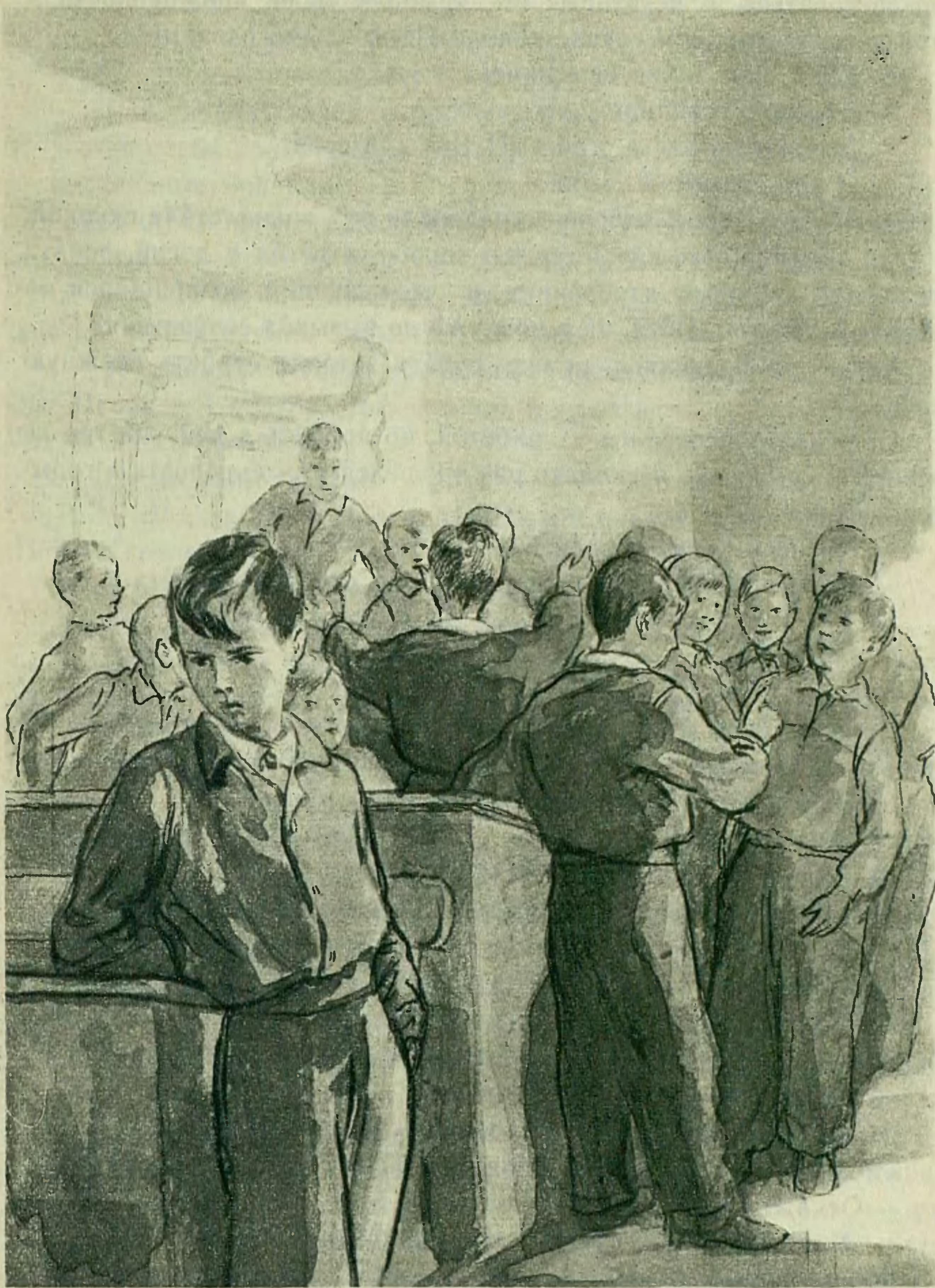
На другой день Пётя пришёл в класс к самому звонку. Усаживаясь на своё место, он старался ни на кого не глядеть. На уроке сидел тихо, делая вид, что очень занят решением примёров. На душё у него было нехорошо. Особенно неприятной былассобра с Волковым. Но всё-таки он решил не сдаваться, думая, что ребята сами подойдут к нему.

Пётя слышал, что Игорь, Витя и другие ребята куда-то собираются пойти после уроков, и, уходя домой, нарочно задержался в раздевалке, как бы разыскивая свою шапку. Но Игорь, весело разговаривая с другими, сухо сказал ему на ходу:

— Я был в библиотеке. Тебе просяли передать, чтобы ты зашёл за книгой.

«Подумаешь! — озлился опять Пётя. — Говорит, как чужому! Очень нужно! Да я и сам мириться с ним ни за что не хочу!»

Прошло несколько дней. Пётя приходил в класс, садился на свою парту, но теперь уже ребята не окружали его, как раньше. Большая часть класса как-то отошла от Пёти, перестала им



Пётя стоял и ждал. В глазах его скапливались слёзы.

интересоваться, а некоторые не скрывали своей враждебности и при каждом удобном случае кололи Пёту злыми словами:

— Уйди, нам таких не нужно!

Или громко говорили:

— Бывают на свете эгоисты!¹ Всё для себя!

— И как только не стыдно!

Пётя загрустил. Пятёрки не радовали его, жизнь стала скучной.

Он замечал, что каждого, кто хорошо отвётил у доски, ребята встречали дружным одобрением, и тот, сияющий, возвращался на место. Только он, Пётя, ни в ком уже не вызывал сочувствия.

Как-то на большой перемёне ребята затеяли строить снежную крепость.

Пётя заинтересовался их работой, но принять в ней участие не решался. Он только несколько раз прошёлся мимо крепости и громко сказал:

— Ночь полить водой нужно.

— Нужно, так польём, — равнодушно отвечали ребята.

* * *

Приближался Новый год. Отличники изо всех сил помогали отстающим. Каждый хотел с чистой совестью проводить свой каникулы. Самым слабым учеником был всё-таки Бунька.

— Он весь класс подведёт — я его знаю! Вечно нянью себе ищет! — говорил товарищам Волков.

Бунька стоял подавленный² и робко повторял:

— Мне только помочь немножко... Я сам стараюсь буду!

— Знаем мы, какой ты! — сердились ребята.

— Помочь мы тебе поможем, только брось ты на других надеяться!.. Ребята, давайте всё-таки решим, кто с Бунькой будет заниматься? — хмуро спросил Игорь.

Ребята молчали, у всех было много своей работы.

«Я бы мог помочь ему, — подумал Пётя и посмотрел на Буньку. — Откажется... и ребята не захотят...»

— А всё-таки не по-товарищески выходит, — сказал кто-то...

Бунька опустил голову и громко засопел. Пётя вдруг решился:

¹ Эгоисты; эгоист — человечек, любящий себя больше всех остальных.

² Подавленный — мрачный.

— Я, ребята... — Лицо его покрылось красивыми пятнами, голос вздрогивал от волнения. — Если вы хотите... если согласны...

Ребята молча повернулись к нему и ждали.

— Я с удовольствием помогу Пронину...

— Без тебя обойдёмся, — протянул кто-то из ребят.

Остальные молчали.

Петя стоял перед ними и ждал. В глазах его скапливались слезы. Бунька смотрел на Петю с удивлением и сочувствием.

— Ну, что же вы? Говорите, что ли... Стойт человек... Тоже, какие-то... — растерянно бормотал он, переводя глаза на товарищей.

— Ну, как, ребята? — притворно равнодушным голосом спросил Игорь. — Набатов свою помощь предлагает.

— Пусть помогает.

— Пусть. Нам-то что!

Витя Волков прищурился и с презрительной улыбкой оглядел Петя с головы до ног.

Петя повернулся и медленно пошел к своей парте.

Ребята неодобрительно посмотрели на Волкова.

— Лежачего не бьют, знаешь? — тихо бросил ему Игорь и громко сказал: — Набатов! Договорись с Бунькой насчет занятий.

* * *

Наступили трудные дни. Петя и Бунька не расставались. Ребята видели, как Петя медленно и упорно объяснял что-то своему подшрафному. Терпению Пети удивлялся весь класс. Даже Волков говорил товарищам:

— Если бы на меня, я бы не выдержал! Он ему одно, а тот другое!

Однажды ребята подошли к Петя:

— Ну как? Подвигается дело?

— Подвигается, — сказал Петя и смущенно улыбнулся.

Бунька похудел, толстые щеки его побледнели, и только уши были красивыми от волнения.

Андрей Александрович потирал руки и чему-то радовался про себя. После уроков он приходил в пионерскую комнату, рассказывал о своих школьных годах и однажды, глядя на Петя, сказал:

— Школа дает человеку знания и учит жить в коллективе.

* * *

На контрольных работах Бу́нька вёл себя́ молодцом. Он спо-
ко́йно выполнял зада́ние; отвечая у доски, не искал глаза́ми под-
дёржки у товáрищей, и мел не прыгал в его́ рукé.

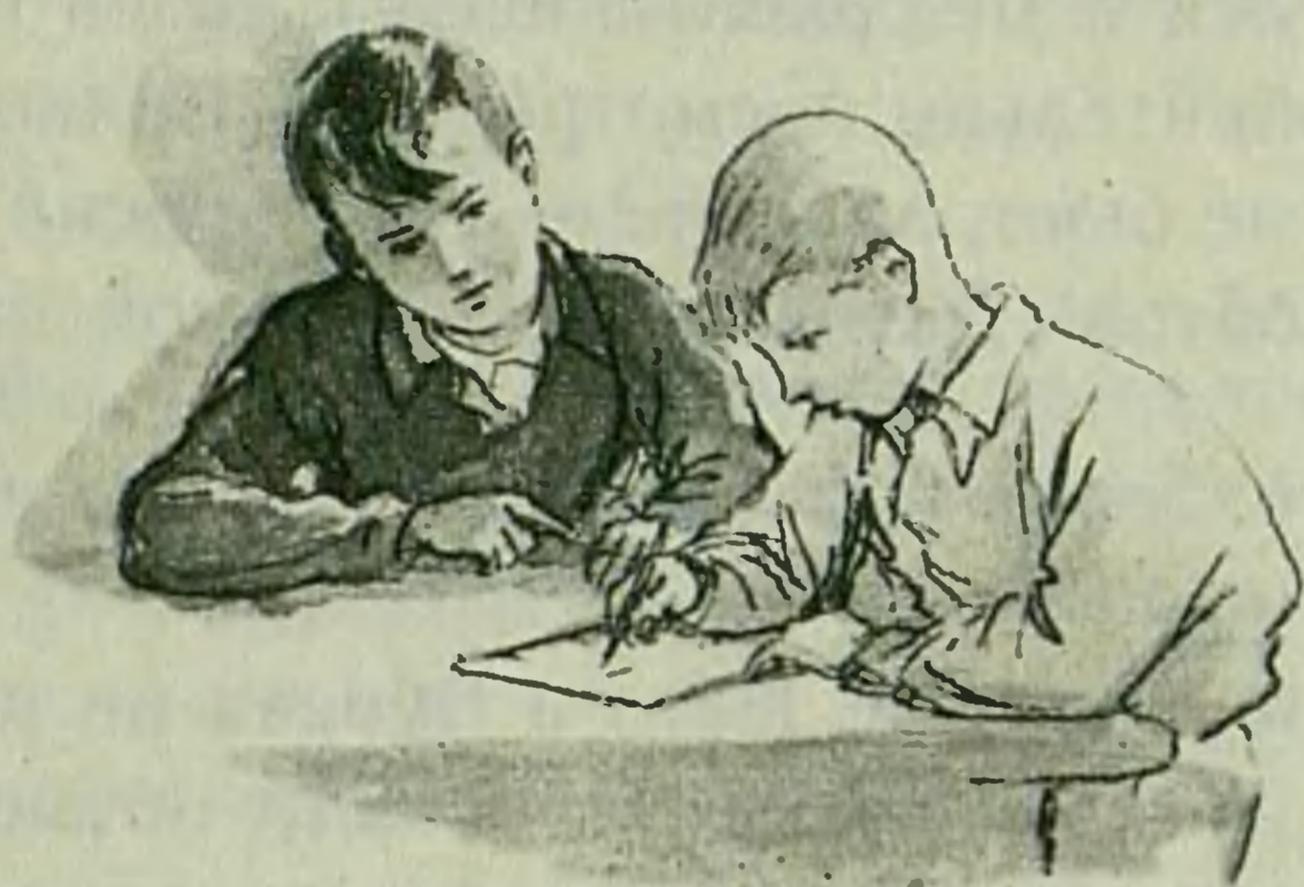
Внимáние ребя́т тепéрь привлекáл Пéтя. Он волновался. Когда́
Бу́нька стоя́л у доски, Пéтя не отрывал от него́ глаз, безмолвно ше-
велíл губáми и болéзненно морщился в ожидáнии отве́та. Андрéй
Алексáндрович ча́сто взгля́дывал на ма́льчика. Ребя́та перешёпты-
вались.

Одиáжды в раздевáлке кто-то окликнул Набáтова. Он оберну́л-
ся и уви́дел Вйтю.

— Тебé в какую́ сторону идти? — небрёжно спросил тот.

Пéтя вспыхнул и рáдостно отве́тил:

— Мне... кудá ты...





ПРОСТОЕ ДЕЛО

На каникулы выдался сильный мороз. Москва стояла белая, нарядная; в скверах застывшие деревья закудрявились от инея. Юра и Саша бежали с катка. Мороз колол им щеки, пробирался сквозь варежки к закоченевшим пальцам. До дома было уже недалеко, но, пробегая мимо аптеки, мальчики заскочили туда погреться. Поеживаясь и подпрыгивая, они прошли в уголок и увидели около батареи старушку. Она была в теплом пуховом платке. На горячих трубах сушились её мокрые варежки. Увидев мальчиков, старушка поспешно сдвинула в сторону своё имущество и, вытянув из пухового платка остренький подбородок, сказала:

— Грейтесь, грейтесь, голубчики! Разошёлся батюшка-мороз, нечего сказать! Бежишь и ног своих не чуешь.

— Замерзли, бабушка? — весело спросил Юра.

Саша бегло взглянул на красные сморщеные щеки, на тоненькие, как ниточки, морщинки.

— Замёрзла, дёточки! — вздохнула старушка. — И вот, скажи на милость, никуда не хожу, а тут, как на грех, выбралась из дома! — И, обращаясь к мальчикам, как к старым знакомым, пояснила: — За дровами пошла. Дрова у нас кончились. Раньше все, было, дочка моя с соседкой привозила, а сейчас дочка в отъезде, а соседка заболела, — дай, думаю, я сама пойду... Мороз — ведь он, батюшка, и на печи найдёт, коли печь не топлена. Вот и пошла. А на складе-то перерыв, а у меня уж руки, ноги не свой, и мороз дыханье забыл. Добежала до углана — да в аптеку. А сейчас уж о дровах и не думаю, только бы до своего дома добраться!

Старушка натянула тёплые варежки, поправила на голове платок:

— Пойду я... Грейтесь, ребятки!

— А мы тоже домой сейчас! У меня дед Мороз половину носа отгрыз! — засмеялся Юра.

— А у меня ухо всю дорогу жевал! А зато каток подморозил здороно! Летишь и, как в зеркале, себя видишь! — сказал Саша.

— Вы уши-то под шапки подберите, а то как сыроежки они у вас торчат, — забеспокоилась старушка. — Долго ли отморозить!

— Ничего, нам близко.

— Ну-ну... Мне тоже недалеко. Пойду уж я, пожалуй, — заторопилась старушка.

— И мы пойдём, бабушка!

* * *

Ребята вышли из аптеки и, подпрыгивая, побежали вперёд. Оглянувшись, они увидели старушку. Она закрывала лицо от ветра и шла осторожно, видимо боясь поскользнуться.

— Бабушка! — окликнули мальчики.

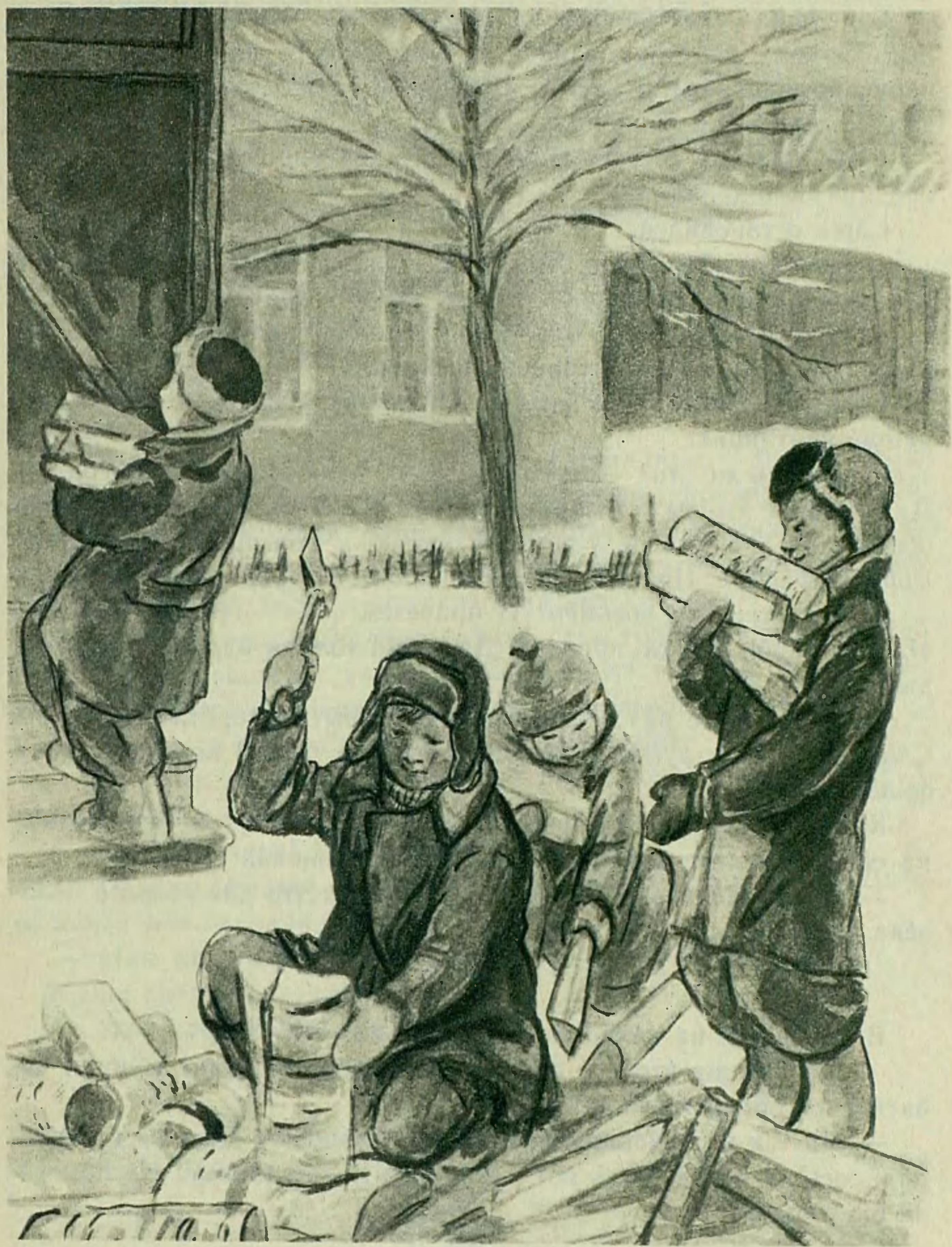
Но старушка не услышала их.

Мальчики решили подождать. Засунув в рукава замёрзшие руки, они нетерпеливо топтались на месте.

— Скажи пожалуйста, опять встретились! — радостно удивилась старушка, увидев перед собой знакомые лица.

— Вот так встретились! — расхохотался Саша.

— Не мудреное! — фыркнул Юра и, наклонившись сбоку к пуховому платку, весело крикнул: — Мы вас ждали, бабушка! Держитесь за меня.



Во дворе ужे слышался бойкий стук топора, визжала пила.

— Нас мороз бойтся! — кричал Саша.

Старушка, ухватившись за Юрин рукав, быстро засеменила¹ по мёрзлому тротуару. Пробегая мимо ворот, на которых было написано большими буквами: «Дровяной склад», она подняла глаза и с огорчением сказала:

— Открылись теперь. Ишь ты... И квитанция у меня. Да уж бог с ними, с дровами!

Саша остановился:

— Постойте, это ведь быстро! Вы подождите, а мы возьмём с Юркой. Давайте квитанцию!.. Юрка, возьмём дрова!

— Конечно, возьмём. Что нам стоит! — хлопая варежками, сказал Юра. — Давайте квитанцию, бабушка!

Старушка растерянно поглядела на них, порылась в варежке, нашла квитанцию.

— Да как же это? — передавая Саше квитанцию, сказала она. — Да с чего же это вы тут морозитесь будете? Я уж как-нибудь нынче обойдусь с дровами-то, у соседей одолжу... Вон дом-то мой стоит! Ворота красивые. Пойдёте и вы со мной — погреетесь.

— Да мы сами возьмём! И привезём сами! — решил Саша. — Идите домой!.. Юрка, проводи. Да узнай толком адрес, — распорядился он.

Старушка ещё раз взглянула на раскрытые ворота склада, на Сашу и, махнув рукой, мелкими шагами пошла по улице. Юра пошёл за ней.

Когда он вернулся, Саша вместе с вожчиками уже складывал на санки мёрзлые бревна и деловито командовал:

— Сухих, дяденька, кладите, берёзовых! Это для старого человека дрова!

* * *

В это время на кухне соседка говорила бабушке:

— Да как же это вы, бабуся, распорядились так? Сунули ребятишкам ордерок и пошли!

— Да так и распорядилась, Марья Ивановна! Да не я и распорядилась-то, а они. Ведь вот какие ребята-то славные! Не помёрзли бы только!

¹ Засеменила (семенить) — пошла частыми мелкими шагами.

— Да что онý, знакóмые вам, что ли, бáбушка? — спросíла со-сéдка.

— Знакóмые, Мárья Ивáновна! Как же не знакóмые? С полча-сá в аптéке вмéсте стояли и домóй вмéсте пошли, — отвечáла ста-ру́шка, снимáя с себя́ платóк и приглáживая седые, прилипшие к вискáм вóлосы.

Сáша и Юра кréпкими кулакáми застучáли в дверь и в óблаке морóзного пáра появíлись на порóге.

— Дровá привезлý, бáбушка! Принимáйте дровá! Кудá склáды-вать? Давáйте пилú, перепилýть нáдо. А топóр есть? Давáйте то-пóр, — комáндовал Сáша.

— Пилú и топóр! Сейчáс всё перепíлим и раскóлем вам. Что нам стóит! — кричáл Юра.

— Боевые внучáта у вас, бабúся! Командíры, — басíл за их спинóй возчик. — Сáмых знаменítых дровíшек привезлý!

— Ах ты, бáтюшки! Привезлý! Мárья Ивáновна, привезлý! А вы говорите, знакóмые ли! Да при чём же тут знакóмство нáше. Мárья Ивáновна, когда гáлстуки-то на них кráсные?

А во дворé ужé слышался бóйкий стук топорá, визжáла пилá. Весёлые мальчишеские голосá с басовитыми нóтками распоряжá-лись спéшно мобилизованными во дворé малышáми:

— Носите в сéни! Склáдывайте столбиками!

...Хлóпнула дверь. Сáша, сбрóсив перед пéчкой щéпки, отрях-нýл вáрежки и сказал:

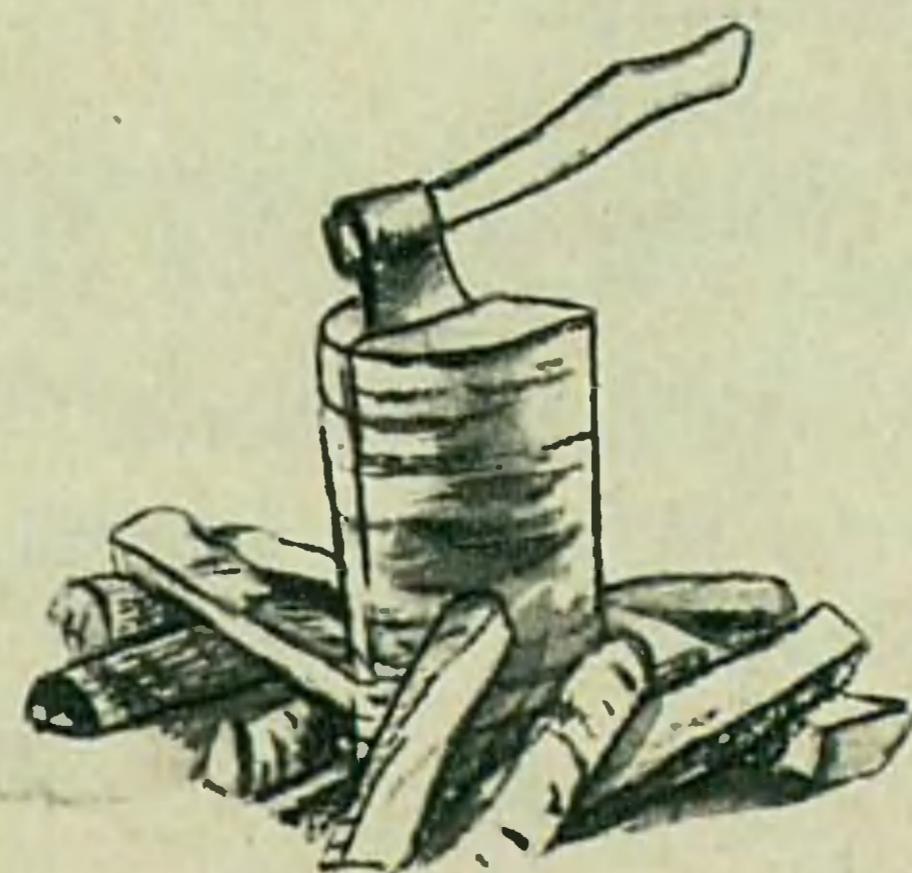
— Всё, бáбушка! Не поминáйте лíхом!

— Сóколы вы мой... — растрóганно сказáла старúшка. — Дéло-то какóе мне сдéлали, голúбчики!

— Нам э́то ничего не стóит, — смущённо сказáл Юра.

Сáша кивнýл головóй:

— Для нас э́то простóе дéло!





РЫЖИЙ КОТ

Под окном раздался короткий свист. Прыгая через три ступеньки, Серёжа выскочил в тёмный сад.

— Лёвка, ты?

В кустах сирени что-то копошилось.

— Иди сюда! Живо! — позвал голос.

Серёжа подбежал к товарищу.

— Чего? — спросил он шёпотом.

Лёвка обеими руками прижимал к земле что-то большое, завёрнутое в пальто.

— Здоровый, как чёрт! Не удержу никак!

Из-под пальто высунулся пушистый рыжий хвост.

— Поймал? — ахнул Серёжа.

— Прямо за хвост! Он как заорёт! Я думал — все выбегут.

— Голову, голову заверни ему получше!

Мальчики присели на корточки.

— А куда мы его дёнем? — забеспокоился Серёжа.

— Чего — куда? Отдадим кому-нибудь — и баста! Он красивый, его каждый возьмёт.

Кот жалобно замяукал.

— Бежим! А то увидят нас с ним...

Лёвка прижал к груди свёрток и, пригибаясь к земле, помчался к калитке.

Серёжа бросился за ним.

На освещённой улице оба остановились.

— Давай привяжем тут где-нибудь — и всё, — сказал Серёжа.

— Нет. Тут близко. Она живо найдёт. Постой!

Лёвка раскрыл пальто и освободил жёлтую усатую мордочку.

Кот зафыркал и замотал головой.

— Тётина! Возьмите кошечку! Мышей ловить будет...

Женщина с корзинкой окинула мальчиков беглым взглядом:

— Куда его! Свой кошка надоела до смерти!

— Ну и ладно! — грубо сказал Лёвка. — Вон старушка идёт по той стороне, пойдём к ней!

— Бабушка, бабушка! — закричал Серёжа. — Подождите!

Старушка остановилась.

— Возьмите у нас котика! Хорошенький, рыженький! Мышей ловит!

— Да где он у вас? Этот, что ли?

— Ну да! Нам девять некуда... Папа с мамой держать не хотят... Возьмите себе, бабушка!

— Да куда же я его возьму, голубчики мой! Он небось и жить не станет у меня... Кошка к дому своему привыкает...

— Ничего, станет, — уверяли мальчики, — он любит стареньких...

— Ишь ты, любит...

Старушка погладила мягкую шерстку. Кот выгнулся спину, вцепился когтями в пальто и забился в руках.

— Ах ты, батюшки! Замучился он у вас! Ну давайте, что ли, авось приживётся...

Старушка распахнула шаль:

— Ид́ сюдá, ми́ленький, не бóйся...
Кот я́ростно отбива́лся.
— Уж не зна́ю, донесú ли?
— Донесёте! — вéсело крикнули ма́льчики. — До свидáнья, ба́-
бушка!

* * *

Мáльчики присéли на крыльцé, насторожённо прислúшиваясь к кáждому шороху. Из óкон пéрвого этажá на дорóжку, усыпáнную песком, и на кусты сирéни пáдал жёлтый свет.

— Дóма йщет. По всем углам, вéрно, шáрит, — толкнúл товá-
рища Лёвка.

Скрипнула дверь.

— Кис, кис, кис! — донеслóсь откуда-то из коридóра.

Серёжа фýркнул и зажáл ладóнью рот. Лёвка уткнúлся ему в плечо.

— Мурлы́шка! Мурлы́шка!

Нíжняя жилíчка в стáреньком платкé с дли́нной бахромой, при-
хáмывая на однú ногу, показáлась на дорóжке.

— Мурлы́шка, протíвный этакий! Мурлы́шка!

Она обвелá глазáми сад, раздvíнула кусты.

— Кис, кис!

Хлóпнула калйтка. Под ногáми заскрипéл песóк.

— Дóбрый вéчер, Ма́рья Пáвловна! Любíмца йщете?

— Твой отéц, — шепнúл Лёвка и бы́стро шмыгнúл в кусты.

«Пáпа!» — хотéл крикнуть Серёжа, но до него долетéл взволнó-
ванный гóлос Ма́рьи Пáвловны:

— Нет и нет. Как в воду кáнул! Он всегдá вовремя приходíл.
Поцарапает лáпочкой окнó и ждёт, покá я открою ему. Может,
только в сарай забýлся, там дýрка есть...

— Давáйте посмóтrim, — предложíл Серёжин пáпа. — Сейчáс
мы вáшего беглеца обнарúжим!

Серёжа пожáл плечáми:

— Чудák пáпа. Очень нúжно чужóго котá нόчью разыски-
вать?

Во дворé, óколо сараев, забéгал круглый глазóк электрического
фонáрика.

— Мурлы́шка, иди домóй, кýсонька!



Мáрья Пáвловна в стáренъком платкé с баҳромой, прихрámывая на
однú нóгу, шлá по дорóжке.

— Ищи ветра в поле! — хихикнул из кустов Лёвка. — Вот потеха! Твоего отца искать заставила!

— Ну и пусть пойдет! — рассердился вдруг Серёжа. — Пойду спать.

— И я пойду, — сказал Лёвка.

* * *

Когда Серёжа и Лёвка еще ходили в детский сад, в нижнюю квартиру приехали жильцы — мать и сын. Под окном повесили гамак¹. Каждое утро мать, нынешняя, прихрамывающая старушка, выносила подушку и одеяло, стелила одеяло в гамаке, и тогда из дома, склонившись, выходил сын. На бледном молодом лице лежали ранние морщинки, из широких рукавоввисели длинные, худые руки, а на плече сидел рыжий котёнок. У котёнка были три чёрточки на лбу, они придавали его кошачьей физиономии смешное забоченное выражение. А когда он играл, правое ушко у него выворачивалось наизнанку. Большой тихо, отрывисто смеялся. Котёнок забирался к нему на подушку и, свернувшись клубком, засыпал. Большой опускал тонкие, прозрачные веки. Мать неслышно двигалась, приготовляя ему лекарство. Соседи говорили:

— Так жаль! Такой молодой!

Осенью гамак опустел. Жёлтые листья кружились над ним, застrevали в сетке, шуршали на дорожках. Марья Павловна, склонившись и тяжело волоча больную ногу, шла за гробом сына... В пустой комнате кричал рыжий котёнок...

* * *

С тех пор Серёжа и Лёвка подросли. Часто, забросив домой сумку с книгами, Лёвка появлялся на заборе. Кусты сирени закрывали его от окна Марии Павловны. Засунув два пальца в рот, коротким свистом он вызывал Серёжу. Старушка не мешала мальчикам играть в этом уголке сада. Они барахтались в траве, как два медвежонка. Она смотрела на них из оконшка и перед дождём прятала брошенные на песке игрушки.

¹ Гамак — подвесная сеть для сидения и лежания, привязываемая к деревьям, столбам.

Кáк-то лéтом Лёвка, примостившись на забóре, помахáл рукóй Серёже:

— Смотри-ка... рогáтка у меня. Сам сдéлал! Бьёт без промаха!

Рогáтку испрóбовали. Мéлкие кáмешки запрыгали по желéзной крыше, прошумéли в кустáх, удáрились о карнýз. Рыжий кот со́рвáлся с дéрева и с шипéнием прыгнул в окóшко. Шерсть стояла дыбом на его выгнутой спинé. Мáльчики захохотáли. Мáрья Пáвловна выглянула из окнá.

— Это нехорóшая игрá — вы мóжете попасть в Мурлышку.

— Так что же, из-за вáшего котá нам и поигráть нельзя? — дéрзко спросíл Лёвка.

Мáрья Пáвловна прýстально посмотрéла на него, взялá Мурлышку на руки, покачáла головóй и закрыла окнó.

— Ишь, недотróга какáя! Лóвко я её отбрýл, — сказал Лёвка.

— Онá небóсь обýделась, — отозвáлся Серёжа.

— Ну и наплевáть! Мне в водостóчную трубú попасть хóчется. Лёвка прищúрился. Кáмешек исчéз в густóй листвé.

— Мýмо! Нá, ты попробуй, — сказал он Серёже. — Прищúрь оди́н глаз.

Серёжа выбрали кáмешек покрупней и натянúл резýнку. Из окнá Мáрьи Пáвловны со звóном посыпались стёкла. Мáльчики зáмерли. Серёжа испúганно оглядывался по сторонам.

— Бежíм! — шепнúл Лёвка. — А то на нас скáжут!

Утром пришёл стекóльщик и встáвил новое стеклó. А через нé сколько дней Мáрья Пáвловна подошлá к ребýтам:

— Кто из вас разбýл стеклó?

Серёжа покраснéл.

— Никтó! — выскочил вперёд Лёвка. — Само лóпнуло!

— Непráвда! Разбýл Серёжа. И ничего не сказал своему пáпе... А я ждалá...

— Нашлý дуракóв! — фýркнул Лёвка.

— Чегó э́то я сам на себя пойдú говорить? — пробурчáл Серёжа.

— Нáдо пойти и сказать прáвду, — серьёзно сказала Мáрья Пáвловна. — Рáзве ты трус?

— Я не трус, — вспыхнул Серёжа. — Вы не имéете прáва так ме́ня называть!

— А почему же ты не сказал? — пристально глядя на Серёжу, спросила Марья Павловна.

— Отчего, да почему, да по какому слухаю... — запел Лёвка. — Неохота разговаривать! Пошли, Серёжка!

Марья Павловна посмотрела им вслед.

— Один трус, а другой грубиян, — сказала она с сожалением.

— Ну и ябедничайте! — крикнули ей ребята.

Настали неприятные дни.

— Старуха обязательно пожалуется, — говорил Лёвка.

Мальчики поминутно вызывали друг друга и, прижав губы к круглой дырке в заборе,правлялись:

— Ну как? Влетело тебе?

— Нет ещё... А тебе?

— И мне нет!

— Вот злющая какая! Она нарочно нас мучает, чтобы мы боялись больше. А если бы про неё рассказать, как она нас обругала! Попало бы ей на орехи! — шептал Лёвка.

— И чего она прицепилась за какое-то несчастное стекло? — возмущался Серёжа.

— Вот подожди... я ей устрою штуку! Будет она знать...

Лёвка показал на мирно спящего за окном Мурлышку и зашептал что-то на ухо товарищу.

— Да, хорошо бы, — сказал Серёжа.

Но кот дичился чужих людей и ни к кому не шёл. Поэтому, когда Лёвке удалось его поймать, Серёжа проникся уважением к товарищу.

«Вот ловкач!» — подумал он про себя.

* * *

Укрывшись с головой одеялом и освободив одно ухо, Серёжа прислушивался к разговору родителей. Мать долго не ложилась спать, открывала окно, и, когда со двора доносился голос Марии Павловны, она разводила руками и спрашивала отца:

— Как ты думаешь, Митя, куда он мог деться?

— Ну что я могу думать! — усмехнулся отец. — Пошёл кот погулять — вот и всё. А может, украл кто-нибудь, есть такие подлецы...

Серёжа похолодел: вдруг соседи видели их с Лёвкой?

— Не может быть, — решительно сказала мать, — на этой улице все знают Марью Павловну. Никто так не обидит старую, больную женщину...

— А ты вот что, — зевая, сказал отец: — если утром кот не найдется, отряди Сережу хорошенько поискать по соседним дворам — ребята скорее найдут.

«Как бы не так», — подумал Сережа.

* * *

Утром, когда Сережа пил чай, в кухне послышались громкие голоса. Жильцы обсуждали пропажу кота. Сквозь шум примусов слышно было, как соседка Эсфирь Яковлевна бегала из кухни в комнату и кричала своему мужу:

— Миша, почему ты не интересуешься чужим несчастьем? Я спрашиваю, где найти этого кота?

Старичок профессор, заложив за спину коротенькие пухлые руки, взъерошенно шагал по кухне:

— Пренеприятное событие... Невозможно оставаться равнодушным...

Сережа отхлебнул холодный чай и отодвинул чашку. «Все орут... и чего орут, сами не знают. Великая важность — кот! Если б еще служебная собака пропала...»

Из соседней комнаты вышла мать:

— Эсфирь Яковлевна! Вы не волнуйтесь, я сейчас отправлю Сережу на поиски.

— Ох, умоляю вас... ведь этот Мурлышка — чтоб он сгорел! — вся ее жизнь.

Сережа схватил тюбетейку и незаметно проскользнул мимо женщин.

«Вот тараканы подняли! Знал бы — не связывался, — с досадой подумал он. — А старуха тоже хороша! Расплакалась на весь двор!»

Его потянуло посмотреть на Марью Павловну.

Засунув руки в карманы и небрежно покачиваясь, он пошел по саду.

Из-за забора выглянул Лёвка. Сережа подошел ближе.

— Слезай, — сказал он хмуро. — Наделал, дурак, шума на весь двор.

А что? Ищет она? — с заблестевшими глазами спросил Лёвка

— Ищет... Всю ночь проплакала...

— Врёшь! — усомнился Лёвка и сейчас же добавил: — А может, и правда... Ведь она знаешь как любила его...

— Я говорил — привязать за лапу только, а ты совсём отдал, дурак этакий!

— Эх, ты! Испугался! — прищурился Лёвка. — А я вот ни чуточки!

— Идёт, — тревожно шепнул Серёжа.

Марья Павловна прыгающей, неровной походкой шла по дорожке. Седые волосы, связанные узлом на затылке, растрепались, и одна прядь рассыпалась по смятому воротничку. Она подошла к мальчикам.

— У меня Мурлышка пропал... Не видели ли вы его, ребята? — Голос у неё был тихий, глаза серые, пустые.

— Нет, — глядя в сторону, сказал Серёжа.

— Мы не видели, — поспешил добавил Лёвка.

Марья Павловна вздохнула, провела рукой по лбу и медленно пошла домой. Лёвка скрчил гримасу.

— Подлизывается... А вредная всё-таки, — он покрутил головой, — такими словами ругается! «Грубый!» — это хуже не знаю чегó! А теперь подлизывается: «Мальчики, не видали моего котика?» — тоненько протянул он.

Серёжа засмеялся:

— И правда, сама виновата... Думает, если мы дети, так мы и постоять за себя не сумеем!

— Фи! — свистнул Лёвка. — Плакса какая! Подумаешь — рыжий кот пропал!

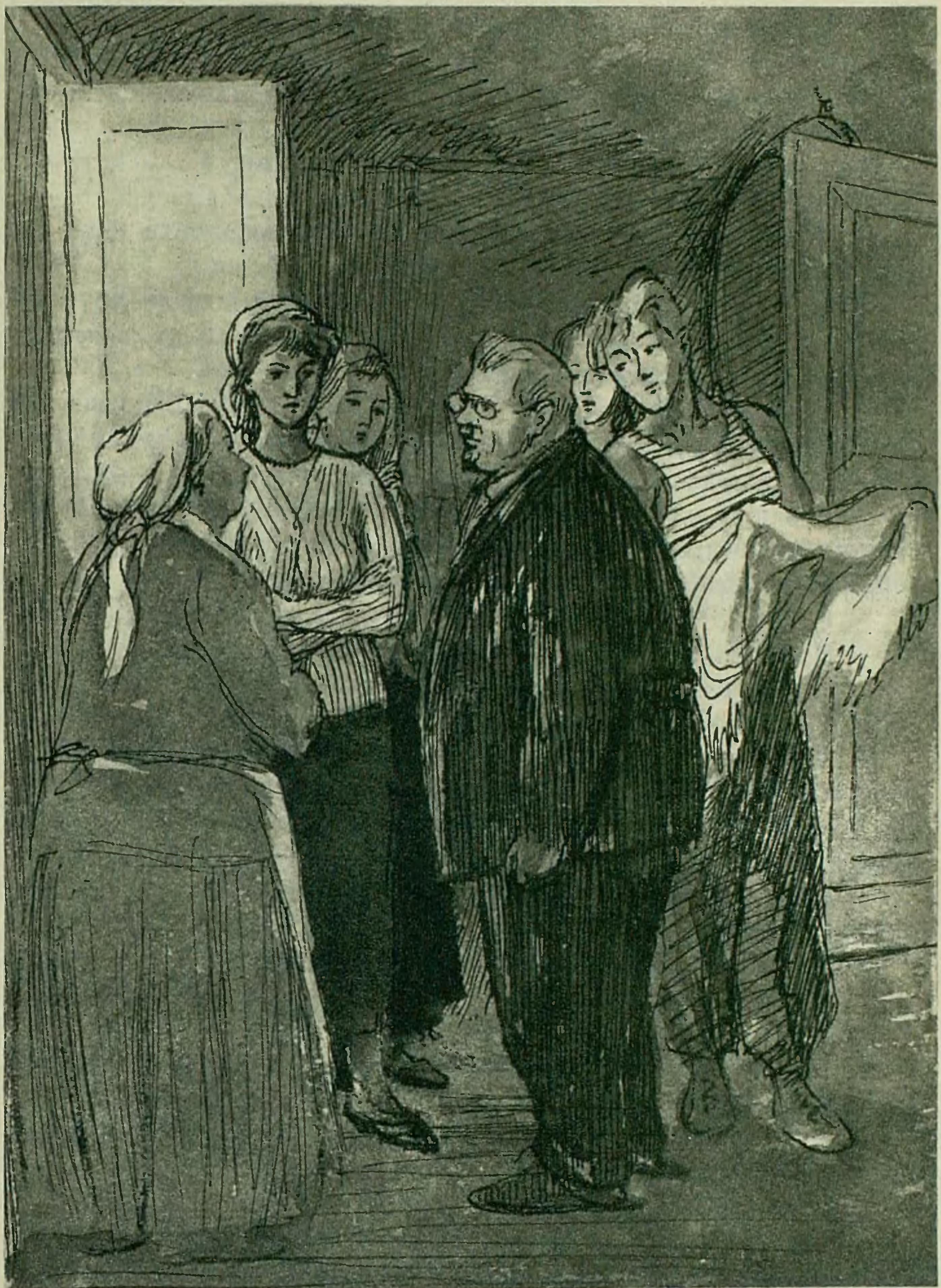
— Да он, говорят, у неё ещё при сыне был. Так она его на память держала.

— На память? — удивился Лёвка и, вдруг хлопнув себя по коленке, захлебнулся от смеха: — Рыжего кота на память!

Мимо прошёл старик профессор. Подойдя к раскрытыму оконечку Марии Павловны, он постучал указательным пальцем в стекло и, положив локти на подоконник, заглянул внутрь комнаты.

— Ну как, Марья Павловна? Не нашелся ещё?

Мальчики прислушались.



Жильцы обсуждали пропажу кота.

— А этот-то чегó лéзет? — удивился Лёвка.

— Жалеет её, — шепну́л Серёжа. — Всем жалко почему-то... Обруга́ла бы их, как нас, не стали бы жалеть! Пойдём послушаем, может, она на нас наговáривать ему бúдет..

Онý подошлý близко и спрятались за кустáми.

Мáрья Пáвловна говори́ла:

— Дóлго он Кóлю забыть не мог... И на клáдбище со мной ходíл... Было что-то тёплое, живое... Кóлино...

Окóшко звякнуло. Мáльчики испуганно посмотрéли друг на друга.

Старíк профéссор заволновался:

— Мáрья Пáвловна! Голубушка! Что вы? Что вы? Выручим мы вáшего Мурлышку. Вот я тут придума́л кое-что. — Он дрожа́щими пальцами попра́вил пенснé и полéз в боково́й кармáн. — Вот тут объявленьице я написа́л, хочу́ просить ребя́ток расклéить где-нибудь на столбáх. Тóлько успокóйтесь, пожалéйте себá!

Он оторвался от окна и зашага́л к дому.

— Ребята! Ребя́тки!

— Идý! — вдруг стрúсил Лёвка.

— Сам иди! — огрызну́лся Серёжа.

Старíк подошёл к ним:

— А ну-ка, молодые лю́ди! К вам поручéние имеется. Не откажите старику, сбегайте повéсьте объявление. Где-нибудь на лю́дных местáх. А? Жи́венько! — Он кивну́л на окóшко... — Жалко стару́шку, надо помочь ей кáк-нибудь... А?

— Мы... пожáлуйста, — промя́млил Серёжа.

Лёвка протяну́л руку:

— Давайте! Мы сейчас... быстро. Айда, Серёжка!

— Ну-ну, вот и молодцы!

Мáльчики выскочили на улицу.

— Прочти-ка, чегó тут? — сказал Серёжа.

Лёвка разверну́л листóк:

— Пятьдесят рубле́й! Ого! Сколько дénег-то! За какого-то ры́жего котá! Спáтил он, что ли?

Серёжа пожа́л плечáми.

— Все спáтили, — хмуро сказал он. — Может, все жильцы да-дúт. Мой отéц дал бы тóже. Нá кнóпки, держи.

— А где повéсим? На лю́дных местáх надо.

— Пошли к кооперативу. Там всегда народ толчется.
Мальчики побежали.

— А другую бумажку на вокзале повесим — там тоже много людей, — запыхавшись, сказал Серёжа.

Но Лёвка вдруг остановился:

— Тпру, Серёжка, стой! Ведь мы же вліпнем с этой штукой, как мухи в мёд, вліпнем! Ну и дураки! Вот дураки!

Серёжа схватил его за руку:

— Бабушка принесёт, да? И скажет про нас, да?

Лёвка, что-то соображая, яростно грыз ногти.

— Как же теперь быть? — заглядывая ему в лицо, спросил Серёжа.

— Порвём, — топнул ногой Лёвка, — и в землю закопаем!

— Не надо, — сморщился Серёжа, — все спрашивать будут...
Опять врать придётся...

— Ну и что — врать? В одно будем говорить!

— А может, бабушка принесла бы кота — и дёлу конец? Может, не рассказала бы про нас?

— «Может, может»! — передразнил Лёвка. — Понадеялся на старуху, а она как раз подведёт, разболтает по всему двору.

— Всё равно, — вздохнул Серёжа. — Никак нельзя! Папа сказал: «Подлецы украдли какие-то»...

— Здорово живёшь, ещё подлецами сдеют! Пошли за угол, порвём и зароем под скамейкой.

Мальчики завернули за угол и сели на скамейку. Серёжа взял бумажки и, комкая их в руках, сказал:

— А она-то опять ждать будет... Пожалуй, и спать не ляжет сегодня...

— Ясно — не ляжет... А отчего у неё сын-то умер?

— Не знаю... Болел долго... А ещё раньше муж умер. Один кот остался, а теперь и кота нет... Обидно ей всё-таки!

— Ну ладно! — решительно сказал Лёвка. — Не пропадать же нам из-за этого! Давай рви!

— Сам рви! Почему я должен? Хитёр тоже!

— Давай по-честному: ты один и я один! Давай! Вот!

Лёвка разорвал объявление на мелкие кусочки.

Серёжа сложил бумажку и медленно разорвал её пополам. Потом схватил щёпку и выкопал ямку.

— Клади! Засыпай покрепче!

Оба облегчённо вздохнули.

— Не ругала бы нас такими словами, — беззлобно сказал Лёвка.

— А про стекло она всё-таки никому не сказала, — напомнил ей Серёжа.

— Ну и ладно! Надоело мне с этим возиться! Я лучше завтра в школу пойду. Там наши ребята в футбол играют. А то все каникулы зря пройдут.

— Не пройдут... Скоро в лагерь поедем. Там хоть месяц без неприятностей проживём...

Лёвка нахмурился:

— Пошли домой, что ли?

— А что скажем?

— Повесили — вот и всё! Одно слово соврать только: «Повесили».

— Ну пойдём!

Старичок всё ещё стоял у оконца Марии Павловны.

— Ну как, ребятки? — закричал он.

— Повесили! — неожиданно крикнули оба.

* * *

Прошло несколько дней: О Мурлышке не было ни слуху ни духу. В комнате Марии Павловны было тихо. В сад она не выходила. То один, то другой жильцы навещали старушку.

Каждый день Эсфирь Яковлевна посыпалась муха:

— Мыша, иди немедленно инеси бедной женщине варенья. Делай вид, что ничего не случилось, и не поднимай вопроса о домашних животных.

— Сколько горя на одного человека навалилось! — вздыхала мать Серёжи.

— Да, — хмурил брови отец, — всё-таки непостижимо, куда это Мурлышка дёлся? И на объявление никто не явился. Надо думать, собаки загнали куданебудь беднягу.

По утрам Серёжа поднимался в мрачном настроении, пил чай и бежал к Лёвке. Лёвка тоже стал невесёлый.

— Не пойду я на твой двор, — говорил он, — давай здесь играть!

Кáк-то вéчером, сíдя на забóре, онí уви́дели, как в окóшке Máрьи Пáвловны тихóнько подняла́сь штóра. Старúшка зажгла́ ма́ленькую лáмпочку и постáвila её на подокónник. Потóм, сгóрбившись, подошла́ к столу, налила́ в блюдечко молокá и постáвila егó рядом с лáмпочкой.

— Ждёт... Дúмаet, он уви́dit свет и прибежйт...

Лёвка вздохнúл:

— Всё равнó не придёт он. Зáперли егó гдé-нибудь. Я бы мог ей овчárку доста́ть, мне обеща́л одíн мáльчик. Тóлько я себé хотéл её взять. Хоро́шая собáка...

— А зна́ешь чегó? — вдруг оживíлся Серёжа. — Тут у однóй тётеньки мнóго котя́т родилóсь, пойдём зáвтра попрóсим одногó. Мóжет, как раз рыже́нький попадётся. Отнесём ей, она́ обráдуется и забúдет своегó Мурлы́шку.

— Пойдём сейчáс! — соскочíл с забóра Лёвка.

— Да сейчáс поздно...

— Ничегó... Скáжем — обязáтельно, обязáтельно надо скорéе!

— Серёжа, — крикнула мать, — спать порá!

— Придётся зáвтра, — разочарóванно сказа́л Лёвка. — Тóлько с утрá. Я тебя́ ждать бúду.

* * *

Утром мáльчики вскочíли ráно. Чужáя тётенька, у которой кошка родилá шестерых котя́т, встрéтила их привéтливо.

— Выбирайте, выбирайте, — говори́ла она́, вытáскивая из корзинки пушýстые комóчки.

Кóмната напóлнилась пýском. Котя́та едвá уме́ли пólзать, лáпы у них разъезжáлись, мутные кру́глые глáзки удивлённо смотрéли на мáльчиков.

Лёвка с востóргом схвати́л жёлтенького котёнка:

— Рыжий! Почти что рыжий! Серёжа, смотри́!

— Тётя, можно этого взять? — спроси́л Серёжа.

— Да берите, бérите! Хоть всех берите, кудá их девáть?

Лёвка сорвáл с головы картúз, посади́л в него котёнка и выбежал на ýлицу. Серёжа, подпрыгивая, торопи́лся за ним.

У крыльца Máрьи Пáвловны óба останови́лись.

— Иди пéрвый, — сказа́л Лёвка. — Онá с вáшего дворá...

— Вмéсте лúчше...

Оні на цыпачках прошлі по коридору. Котёнок пищал и ба-
рахтался в картузе. Лёвка тихонько постучал.

— Войдите, — отозвалась старушка.

Ребята боком притиснулись в дверь. Марья Павловна сидела перед раскрытым ящиком стола. Она удивлённо подняла брови и вдруг заволновалась:

— Что это пищит у вас?

— Это мы, Марья Павловна... Вот рыжего котёнка вам... Чтобы вместо Мурлышки был...

Лёвка положил картуз на колени старушки. Из картуза выглянула большеглазая мордочка и жёлтый хвостик...

Марья Павловна нагнула голову, и в картуз быстро-быстро закапали слёзы. Мальчики попятались к двери.

— Подождите... Спасибо вам, голубчики, спасибо. — Она вытерла глаза, погладила котёнка и покачала головой. — Всем мы с Мурлышкой хлопот наделали. Только напрасно вы беспокоились, ребятки... Отнесите котёнка назад... Я уж так не привыкну к нему...

Лёвка, держась за спинку кровати, прирос к полу. Серёжа морщился, как от зубной боли.

— Ну ничего, — сказала Марья Павловна. — Что же делать? Вот у меня карточка на память...

Она показала на маленький столик около кровати. Из деревянной рамки глянули на мальчиков большие печальные глаза, улыбающееся лицо и рядом удивлённая усатая мордочка Мурлышки. Длинные пальцы большого тонули в пушистой шерстке.

— Любил он Мурлышку... Сам кормил. Бывало, развеселится и скажет: «Мурлышка никогда нас не бросит, он всё понимает...»

Лёвка присёл на краешек постели, уши у него горели, от них было жарко всей голове, и на лбу выступил пот...

Серёжа мельком взглянул на него. Обоим вспомнилось, как царапался и отбивался пойманый кот.

— Мы уж пойдём, — тихо сказал Лёвка.

— Мы пойдём, — вздохнул Серёжа, пряча в картуз котёнка.

— Идите, идите... отнесите котёнка, хорошие мои...

* * *

— Вот, — сказал Лёвка, перепрыгнув через забор и с размаху хлопнувшись на землю, — буду здесь сидеть всю жизнь!

— Ну? — недоверчиво протянул Серёжа, присаживаясь перед ним на корточки. — Так не просидишь!

— Хоть бы в лагерь скорее ехать! — с отчаянием сказал Лёвка. — А то распускаешься только на каникулах, и всякие неприятности получаются. Встанешь утром — всё ничего, а потом — бац! — и надёлаешь чего-нибудь! Я, Серёжа, средство изобрёл, чтобы не ругаться, например...

— Как это? Соли на язык посыпать, да?

— Нет. Зачём соли? Просто, как рассердишься очень, сразу отвернись от того человека, зажмурь глаза и считай: раз, два, три, четыре... пока злость не пройдёт. Я уже так пробовал, мне помогает!

— А мне ничего не помогает, — махнул рукой Серёжа. — Ко мне очень одно слово прицепляется.

— Какое? — заинтересовался Лёвка.

— «Дура» — вот какое! — шепнул Серёжа.

— Отучайся, — строго сказал Лёвка и, растянувшись на спине, вздохнул: — Если б этого кота достать, тогда бы всё хорошо было...

— Я тебе говорил, за лапу привязать...

— Дурак! Попугай несчастный! — вскипал Лёвка. — Ты мне только повтори это ещё раз, я тебе таких пилюлей навешаю! За лапу, за лапу, за хвост! Искать надо, вот что! Балда дурацкая!

— Считай, — уныло сказал Серёжа, — считай, а то опять ругаешься! Эх ты, изобретатель!

* * *

— Вот так мы шли, а так она шла. — Лёвка показал рукой на другую сторону улицы.

Серёжа, прислонясь к забору, грыз зелёную веточку сирени.

— Старухи все похожи, — сказал он, — все морщинистые и сгорбленные.

— Ну нет, есть такие прямые, длинные, как палки, тех легко узнать. Только наша низенькая была...

— В платкé, что ли? — спросил Лёвка.

— Да, да, в платкé. Эх, какая старуха! — с горечью сказал Серёжа. — Сразу взяла и утащила. Даже ничего не спросила толком: чей кот? Может быть, нужен очень.

— Ну ладно, — нахмурился Лёвка. — Найдём как-нибудь. Может, она близко живёт. Старухи далеко не ходят...

— Километра два, а то и три любая старуха теперь может отмахнуться. Да ещё в какую сторону...

— А хоть во все четыре стороны! Мы всюду пойдём! Сегодня — в одну, завтра — в другую. И в каждый двор будем заглядывать!

— Так всё лето и проходишь! Хорошо, если до лагеря, а то и поплавать не успеешь...

— Эх ты, пловец! Спустил чужого кота чёртовой бабушке и искать не хочет! — озлился Лёвка. — Пойдём лучше. Три километра напрямки!

Серёжа выплюнул изо рта ветку и зашагал рядом с товарищем:

— Хоть бы раз в жизни повезло!

* * *

Но мальчикам не везло. Наоборот, дела пошли ещё хуже.

— Где ты шатаешься, Серёжа? Избегался, почернел... С утра до вечера пропадаешь! — сердилась мать.

— Да чего мне дома делать-то?

— Ну, в школу бы сходил. Там ребята на качелях качаются, в футбол играют...

— Ну да, в футбол! Очень интересно... Подобьют ногу, останусь хромым на всю жизнь, сама тогда бранить будешь. А то ещё с качелей упаду.

— Скажите пожалуйста! — разводила руками мать. — Да с каких это пор ты таким тихоней сдался? То всё приставал: купи футбольный мяч, покоя нам с отцом не давал, а теперь... Смотри у меня, я твой штук разгадаю...

Лёвке тоже влетало от отца.

— «Что ты, говорит, как петух, на заборе торчишь? Займись, говорит, чём-нибудь наконец», — жаловался Лёвка Серёже.

Многие улицы были исхожены за это время. В одном дворе на крыше показался рыжий кот. Ребята опрометью бросились за ним.

— Держи! Держи! Заходи вперёд! — кричал Лёвка, задрав вверх голову.

Кот вскочил на дерево. Обдирая колёнки, Лёвка полез за ним. Но Серёжа, стоя внизу, разочарованно крикнул:

— Слезай! Не тот: грудка белая и лицо не такое.

А из дома выскочила толстая тётка с ведром.

— Опять голуби! — закричала она. — Вот я вас отучу от своего двора! Марш отсюда!

Она взмахнула ведром и окатила Серёжу холодной водой. На спине и на трусах осела картофельная шелуха. Мальчики как ошпаренные выскочили за ворота. Серёжа стиснул зубы и схватил камень.

— Считай! — тревожно крикнул Лёвка. — Считай скорей!

— Раз, два, три, четыре... — начал Серёжа, бросил камень и расплакался. — Дура, дура, дура! Как ни считай, всё дура!

Лёвка молча выжимал на нём трусики, отряхивая с них приставшую шелуху.

* * *

Ночью шёл дождь. Шлёпая босыми ногами по теплым лужам, Лёвка поджидал Серёжу. Из раскрытых окон верхней квартиры доносились громкие голоса взрослых.

«Нас ругают, — испугался Лёвка. — Обоих или одного Серёжу к стенке припёрли? Только за что? (За эти дни как будто ничего плохого они не сделали.) Сделали не сделали, а взрослые, если захотят, всегда найдут, к чему придаться».

Лёвка спрятался в кусты и прислушался.

— В конце концов, я этого совсем не одобряю — получить себе чахотку из-за несчастного кота! — раздражённо кричала Эсфирь Яковлевна. — Она же маковой росинки в рот не берёт...

— Бесполезное животное, в общем... — начал профессор.

Лёвка презрительно улыбнулся.

«Хорошо им разговаривать, а ей, бедной, даже и кушать не хочется, — с жалостью подумал он о Марье Павловне. — Если бы у меня была овчарка, я бы её любил, воспитывал, и вдруг бы она пропала! Ясно — обедать не стал бы. Квас какой-нибудь выпил — и всё!»

— Ты чего стойшь? — толкнул его Серёжа. — Пойдём скорей, пока мать занятá.

— Пойдём, — обрадовался Лёвка, — а то скоро в лáгерь! Решено было сходить на рынок.

— Там старúх ви́димо-неви́димо! — клялся Лёвка. — Кто за молоком, кто за чем! Соберутся в кúчку около возов — сразу всех ви́дно. Мóжет, и наша там!

— Я ужé тепéрь её помню, она мне снýлась, — говорил Серёжа: — нíзенькая, смóрщенная. Тóлько бы уви́деть таку́ю!

День был прáздничный. На рынке беспорядочно толка́лся народ. Серёжа и Лёвка, поддёргивая трусики, озабоченно заглядывали под кáждый платóк. Завидев подходящую старúшку, они мчались ей наперерéз, сбивая с ног домáшних хозяек.

— Бесстыдники! Хулиганы! — кричали им вслед.

В сáмой гúще людéй мáльчики замéтили шkольного преподавателя. Онí спрятались от него за ларёк, дождали́сь, пока он скрылся, и сно́ва забéгали по рынку. Старúх — высóких, нíзеньких, тóлстых и худых — было мнóго.

— Но где же наша? — сердíлся Лёвка. — Хоть бы мяса пришлá купить себе! Неужéли она обéд не вáрит?

Сóлнце начинáло сильно припекáть. Вóлосы прилипли ко лбу.

— Напьёмся квáсу, — предложил Лёвка.

Серёжа вытащил из кармáна двáдцать копéек.

— Кружку на двойх! — заказал он.

— Хоть и на тройх, — лениво бóркнул торгóвец, вытирая платком кráсное лицо.

— Пей, — сказал Серёжа, отмéтив пáльцем середíну кружки. — Пей до сих пор.

Лёвка, закрыв глазá, мéдленно потянул холóдную жíдкость.

— Пéнки оставь, — забеспокóился Серёжа.

Нíзенькая старúшка в чёрном платкé подошла к ним сбóку и с любопытством оглядéла обóих.

— Не то я обозна́лась, ребятки, не то нет, — громко сказала она.

Серёжа оторопéло глянул на неё и с размаху толкнул товáрища:

— Смотри!

У Лёвки юкнули зúбы и на шéю плеснúл квас.

— Эх! — рявкнул он, растопы́рив руки. — Серёжа! Она! Она!

— Бáбушка, э́то вы? — задыхáясь, спросил Серёжа.

— Ну дá, ну дá, — заки́вала головóй старúшка.

Лёвка подпрыгнул и, размáхивая крúжкой, заорал во всё горло:

— Старúшечка! Мýленькая!

Продавéц, перегнúвшись через прилáвок, дёрнул егó за трúсики:

— Крúжку верните, гражданин!

Лёвка, не глядя, сúнул ему пустóю крúжку.

Серёжа почесáл затылок и облизнúл сухие гúбы.

— Бáбушка, бежим к вам домóй! Скóлько киломéтров? Четыре, пять? — подхвáтывая старúшку пóд руку, захлёбывался Лёвка.

— Стой, стой! Бáтишки мой, очумéл ты, что ли? — отбивáлась онá.

— Пойдём, пойдём, бабúнечка! — Лёвка на ходú чмóкнул старúшку в сухóю щёку.

— Ишь, как бáбушку своёю любят ребята, — расплыла́сь в улыбке молочница. — Поглядéть любо!

— Затормошили совсéм, — покача́л головóй какой-то старик.

— Напрямíк? — орал Лёвка, растáлкивая прохóжих. — Жарь, бáбушка!

— Голúбчики, голúбчики, весь нарóд повалили кругóм себя. Лéшие этакие! — сердíлась старúшка.

У ворót рынка онá упёрлась ногáми в зéмлю и тóненько закричáла:

— Да чéгó вам от менé нáдобно-то?

— Кóтика рыжего, бáбушка, — помните, мы отдали вам вéчевом, на улице...

— Сестрёнка плáчет по нём, исхудáла, как спíчка, — затянúл Лёвка.

— Ишь ты... Назáд, зна́чит, взять хотíте?

— Назáд! Сейчáс же назáд!

— Вот, вот... Ну так бы и сказáли, а то разорвали было на части...

— Да жив ли он ещё? — испúганно спросил Серёжа.

Старúшка вы́нула слóженный вчéтверо платóчек, обтёрла лицó и не спешá засеменила по тротуáру.

— Жив ýли нет? — простонáл Лёвка.

— А с чéгó ему помирáть-то? Тóлстый такóй котýще... И то

правда, забирайте вы его лучше — бестолковый, страсть! Только и лазит по всей квартире, по всем углам нюхает...

— Пускай нюхает! Бежим, бабушка!

Старушка высвободила руку из Лёвкиных пальцев:

— Убери клещи-то... Такой и кот твой надоедный, как ты... Утром орёт и ночью встанет — орёт. Совсем не нравится он мне. Уж я его дочке отдала.

— Как — дочке? Какой ещё дочке? Раз, два, три, четыре...

— Насовсем? — ахнул Серёжа.

— Зачём насовсем? На подержание.

— Да где она живёт хоть?

— Дочка-то? В Москву. Где же ей жить, там у неё и детки...

— Адрес давайте, — сказал Лёвка, сжимая зубы.

— Какой адрес? Одна-то я не езжу туда... Город шумный... Покойник зять, бывало, и на метро прокатит...

Серёжа махнул рукой:

— Пропал Мурлышка!

— Ну нет! — закипел Лёвка. — Я и в Москву поеду и с покойником на метро прокачусь. Как щёпка высохну, а достану этого кота!

— Да чего его доставать-то? — вдруг сказала старушка. — Привезла его вчера дочка. Вот домик-то мой. Заходите, гостями будете!

Она круто свернула к маленькому крылечку, зазвенела ключами и погрозила пальцем в окно:

— Сиди, сиди, рыжий! Чего выставился? Стекло продавишь, настороживший какой...

Лёвка прыгнул в палисадник, уцепился обеими руками за раму и прижался носом к окну:

— Мурлышка! Усатенький...

— Ухо, ухо, смотри! — взвизгивал Серёжа.

Через минуту Лёвка торжественно шагал по улице. Рыжий кот острыми когтями царапал ему шёпот.

Серёжа, весело подпрыгивая, говорил:

— Отдёлает он тебя здорово! Да ладно, терпи уж!

— Только б не упустить теперь, — пыхтел Лёвка.

* * *

Мáрья Пáвловна сняла с подоконника блюдце, вылила из него посиневшее молоко и, стоя посреди комнаты, прислушалась. Дверь широкó распахнулась.

— Вот! — крикнул Лёвка, разжимая руки.

Рыжий пушистый ком сорвался с его груди и, взметнувшись хвостом, прыгнул на руки своей хозяйке. Блюдце с радостным звоном скользнуло на пол.

— Роднушка моя... Да как же это...

Серёжа шлёпнул Лёвку по спине. Оба выкатились за дверь и с визгом упали в траву. В мальчишеской радости они тузили друг друга под бокá.

— Нашёлся-таки... Нашёлся! Усатый, полосатый!..

* * *

На зелёной аллее рассыпалась барабанная дробь. В белых панамках, с рюкзаками за спиной, весело шагали пионёры. По боковым дорожкам, растроганные и умиленные, торопились за ними родители.

Лёвка выбился из строя, подпрыгнул и замахал рукой Серёже.

— Смотри, кто стоит!

У зелёной калитки, заслонив от солнца глаза сухонькой ладонью, Марья Павловна искала кого-то в строю. Большой рыжий кот, вывернув наизнанку одно ухо, сидел на заборе.

— Марья Павловна! До свидания!

Лёвка горячей щекой прижался к забору:

— Мурлышечка, до свидания!

Серёжа погладил кончик пушистого хвоста.



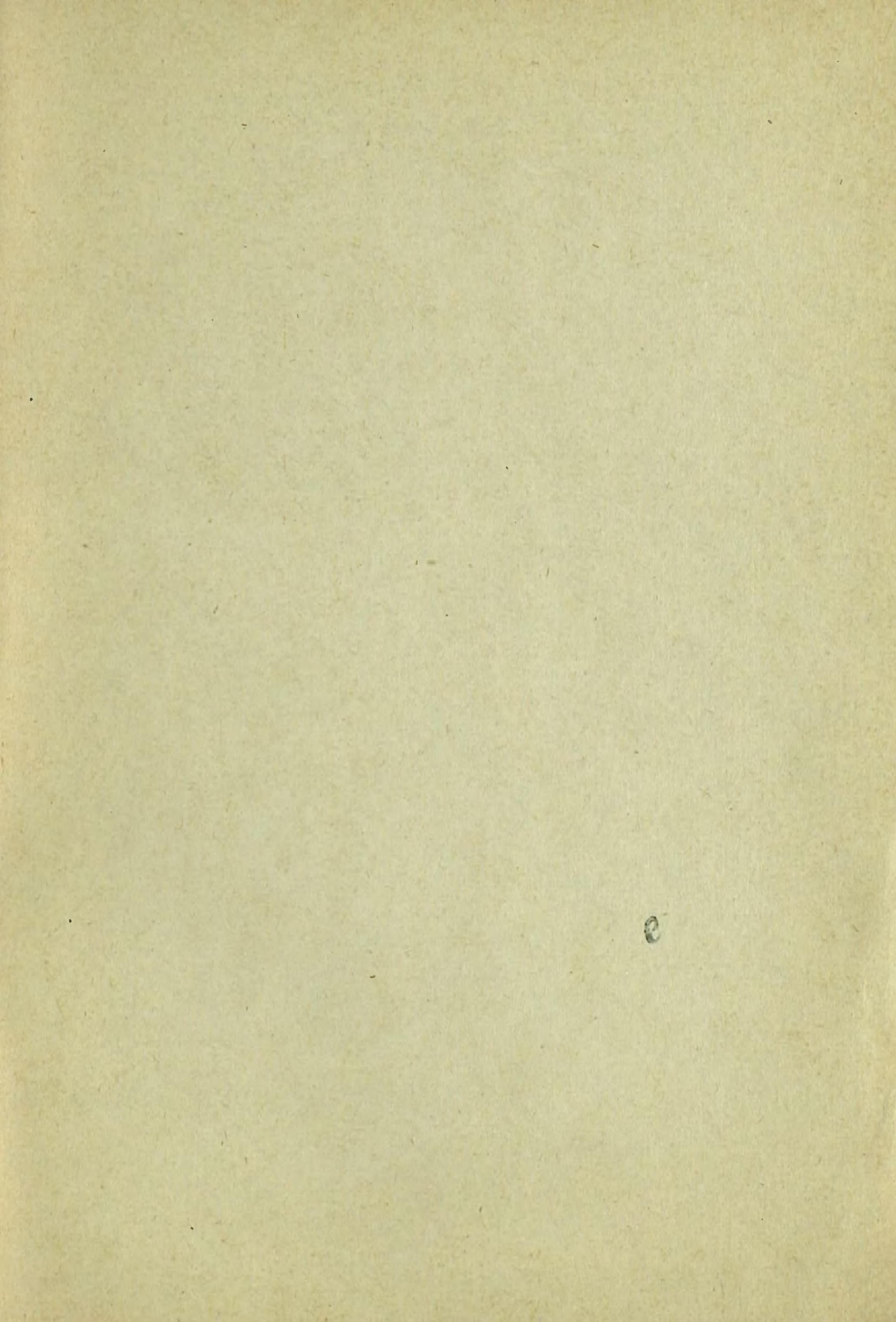
48051

БИБЛИОТЕКА
ДЕТГИЗА

СОДЕРЖАНИЕ

<i>У костра</i>	7
<i>Бабка</i>	14
<i>В классе</i>	25
<i>Простое дело</i>	37
<i>Рыжий кот</i>	42

~~4227~~
~~48051~~



150-
Цена 1 р. 10 к. / С 1/1 1961 г. — 11 коп

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МИНИСТЕРСТВА ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР

В 1960 году в серии «Школьная библиотека для нерусских школ» выходят следующие книги для начальной школы:

Кононов А.

ШАЛАШ.

Рассказы о детстве В. И. Ленина.

Автор создаёт образ мальчика — весёлого, общительного, ласкового, с которым интересно играть и сверстникам и взрослым.

Житков Б.

ПОМОЩЬ ИДЁТ.

Рассказы о том, как помогают друг другу люди в беде.
«Обвал», «Красный командир», «Наводнение», «Пожар», «На льдине», «Почта», «Как тонул один мальчик», «Пожар в море». В книге дано небольшое предисловие о жизни Б. С. Житкова.

НАСТОЯЩИЕ ДРУЗЬЯ.

Сборник

В книгу входят небольшие рассказы и отрывки из произведений советских писателей — Б. Житкова, А. Кононова, А. Гайдара, Л. Пантелеева, Н. Богданова и других.

Тематика рассказов разнообразна: они охватывают период со времени гражданской войны до настоящих дней.

Гао Юй-бао

Я ХОЧУ УЧИТЬСЯ.

Глава из книги «Я хочу учиться».

Перевод с китайского.

Рассказ о судьбе крестьянского мальчика в старом Китае. В предисловии автор рассказывает о том, как он учился грамоте и писал эту книгу.

Обращайтесь за этими книгами в свои районные и школьные библиотеки и приобретайте их в книжных магазинах и магазинах Облпотребсоюза.

Для начальной школы

Осеева Валентина Александровна

ПРОСТОЕ ДЕЛО

Ответственный редактор А. В. Ясиновская. Художественный редактор Н. Г. Холодовская.
Технический редактор М. Я. Басс. Корректора Е. С. Карташова и Э. Л. Лоффенфельд.
Сдано в набор 3/1 1960 г. Подписано к печати 3/V 1960 г. Формат 65×92¹/₁₆ — 4 печ. л. =
— 4,33 усл. печ. л. (3,17 уч.-изд. л.). Тираж 100 000 (1—60 000) экз. Цена 1 р. 10 к.
Детгиз, Москва, М. Черкасский пер., 1.

Фабрика детской книги Детгиза. Москва, Сущевский вал, 49. Заказ № 3034.